М. Н. КАТКОВЪ.

152
593.
И 305
1

СОБРАНІЕ
ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ
МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.
1875 годъ.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. ПОГАШЕНО

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.
—
1897.

натъ не только не былъ препятствіемъ къ упроченію новыхъ учрежденій, но напротивъ сдѣлался, благодаря ихъ выборамъ, вѣрною ихъ поддержкой и лучшею гарантіей.

Если правительство раздѣляетъ этотъ взглядъ, то понятно что оно озабочено настроеніемъ которое обнаружатъ генеральные совѣты; свѣдѣнія эти ему не трудно будетъ пріобрѣсти, ибо хотя политическія пренія и запрещены этимъ собраніямъ, но такъ какъ политика во Франціи проникаетъ повсюду, то партіи не замедлятъ обозначиться при обсужденіи вопросовъ о муниципальной администраціи, о народномъ образованіи и вообще о потребностяхъ департаментовъ; много значенія могутъ имѣть и рѣчи президентовъ предъ открытіемъ засѣданій, и впечатлѣніе которое онѣ произведутъ на собранія. Во всякомъ случаѣ, нынѣшнее министерство, повидимому, не отрицаетъ политическаго значенія генеральныхъ совѣтовъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по статьѣ появившейся въ газетѣ *Echo Universel*, близкой нѣкоторымъ членамъ кабинета. Она прямо заявляетъ что ошибочно было бы отрицать всякое политическое значеніе генеральныхъ совѣтовъ, которые должны де имѣть его подобно всякимъ собраніямъ представляющимъ націю. „Все дѣло въ томъ," продолжаетъ названная газета, „чтобъ эти собра„нія держались въ границахъ предписан„ныхъ имъ закономъ. Относительно этого „пункта согласны между собою всѣ разум„ные люди. Въ тотъ день когда генераль„ные совѣты выходятъ изъ предѣловъ за„конности, обязанность правительства оста„новить подобныя уклоненія; оно доста„точно вооружено противъ этихъ случай„ностей, а если оно считаетъ себя недо„статочно вооруженнымъ, то пусть ему пре„доставятъ необходимыя полномочія; мы „не видимъ въ этомъ ничего дурнаго; на„противъ! Но мы не понимаемъ зачѣмъ ид„ти далѣе, зачѣмъ дѣлать политику ка„кимъ-то страшилищемъ. Если политика „должна внушать ужасъ, то почему у кан„дидатовъ не отнимаютъ права высказы„вать свои убѣжденія и поднимать знамя? „Зачѣмъ предоставляютъ совѣтамъ право „назначать свои бюро? Зачѣмъ нужны се„наторскіе выборы?"

№ 209.

Москва, 14-го августа.

На дняхъ мы сообщили обнародованныя *Русскимъ Инвалидомъ* двѣ телеграммы изъ Ташкента о послѣднихъ событіяхъ въ Коканѣ. Телеграммы эти согласны между собой лишь въ одномъ фактѣ: Коканскій ханъ Худояръ свергнутъ съ своего престола и бѣжалъ въ русскія владѣнія, именно въ Ходжентъ, подъ прикрытіемъ русскаго посольства и конвоя изъ 15 казаковъ и нѣсколькихъ джигитовъ. Коканскіе инсургенты сдѣлали нападеніе на свиту хана и конвой посольства, но безуспѣшно, — и Худояръ благополучно прибылъ въ Ходжентъ. Въ остальномъ депеши *Инвалида* разногласятъ. Первая депеша, неизвѣстно кѣмъ посланная изъ Ташкента, сообщаетъ что ханскія войска въ Коканѣ перешли на сторону тамошнихъ мятежниковъ, что во главѣ возстанія находится Абдурахманъ-автобачи, который объявилъ джехадъ (войну за вѣру), готовится къ походу и выслалъ эмиссаровъ въ подвластные намъ кишлаки (селенія). Эти извѣстія заставляли ожидать похода русскихъ войскъ въ Коканъ, и *Русскій Міръ* сообщалъ уже что въ первыхъ числахъ августа будетъ двинуто изъ Ташкента въ Коканъ три баталіона пѣхоты съ соотвѣтствующимъ числомъ казаковъ и артиллеріи.

Вторая же депеша *Русскаго Инвалида*, посланная изъ Ташкента 3-го августа, генералъ-адъютантомъ Кауфманомъ, извѣстила что онъ, возвратясь въ Ташкентъ изъ объѣзда Семирѣчья, получилъ отъ старшаго сына Худояра, Ханъ-заде, и отъ вождей возстанія въ Коканѣ сообщеніе что народъ пересталъ слушаться Худояра, который удалился въ Ходжентъ; духовенство и старшіе люди провозгласили ханомъ Ханъ-заде. При этомъ *Русскій Инвалидъ* свидѣтельствуетъ что генералъ-адъютантъ Кауфманъ предполагаетъ признать новаго хана, съ тѣмъ чтобы Коканъ:

a) принялъ договоръ заключенный нами съ Худояромъ;

b) удовлетворилъ наше посольство и купечество за причиненные имъ при возстаніи убытки, и

c) назначилъ пенсію Худояру.

Неизвѣстно еще приняты ли Коканцами эти требованія, умѣренныя до послѣдней

крайности; но *Русскій Инвалидъ* намекаетъ что затрудненія могутъ возникнуть еще со стороны Худояра, кажется весьма мало расположеннаго признать совершившійся переворотъ. Худояру было предложено переѣхать въ Ташкентъ; но онъ отъ этого уклонился подъ предлогомъ болѣзни.

Не знаемъ какъ согласить обѣ депеши. Первая выдвигаетъ Абдурахмана, вторая — законнаго наслѣдника Коканскаго престола, Ханъ-заде.

Абдурахманъ сынъ старшины Кипчаковъ и Киргизъ, Мусульманъ-Кула, который завладѣлъ Коканомъ въ 1845 году во имя малолѣтняго Худояра, который черезъ десятъ лѣтъ послѣ того казнилъ своего опекуна. Въ послѣдніе годы Худояръ старался приблизить къ себѣ Абдурахмана, женился на его сестрѣ, но это не помѣшало этому послѣднему стать во главѣ уже два года бунтующихъ Киргизъ и Кипчаковъ. Абдурахманъ — злѣйшій противникъ Русскихъ и всегда осуждалъ Худояра, вообще старавшагося исполнять приказанія полученныя изъ Ташкента.

О Ханъ-заде мы прочли довольно интересныя свѣдѣнія въ вышедшей на дняхъ книжкѣ г. Терентьева: *Россія и Англія въ Средней Азіи*. Авторъ пишетъ:

„Ханъ-заде хотя и кажется прогрессистъ, ибо строитъ дома на русскій ладъ и пьетъ шампанское, но никто не знаетъ что̀ изъ него выйдетъ въ послѣдствіи, а изъ-за популярности онъ не остановится и предъ рискомъ возбудить неудовольствіе ташкентскаго начальства. Извѣстно, напримѣръ, что во время своего проѣзда въ Ташкентъ Ханъ-заде сдѣлалъ визитъ бывшимъ шахрисябзскимъ бекамъ и выразилъ имъ соболѣзнованіе что отецъ его выдалъ ихъ Русскимъ (по требованію нашего правительства) и тѣмъ совершилъ поступокъ позорный для истаго мусульманина. Все это разноглагольствіе ничѣмъ не вынуждалось и можетъ быть объяснено только невиннымъ намѣреніемъ пріобрѣсти популярность даже и во вредъ своему отцу.“

Не знаемъ какими путями власть перешла теперь отъ Абдурахмана къ Ханъ-заде, и что̀ сталось съ объявленною первымъ священною войной.

Въ помянутой только что вышедшей книжкѣ г. Терентьева приведено множество новыхъ до сихъ поръ неизвѣстныхъ свѣдѣній о дипломатическихъ сношеніяхъ нашихъ съ среднеазіятскими ханствами за послѣдніе годы.

По прибытіи генералъ-адъютанта Кауфмана во ввѣренное ему генералъ-губернаторство въ 1867, онъ тотчасъ же извѣстилъ Худояра о своемъ прибытіи и просилъ прислать уполномоченнаго для заключенія торговаго трактата. Худояръ увѣрялъ генералъ-губернатора въ своей дружбѣ и преданности, но добивался прямыхъ сношеній съ Петербургомъ. Въ письмѣ къ генералъ-адъютанту Кауфману, врученномъ ему посломъ хана въ торжественной аудіенціи въ присутствіи всѣхъ чиновъ туркестанскаго управленія, Худояръ писалъ между прочимъ: „Всѣ люди происходятъ отъ Адама, и потому да царствуетъ кротость между царями. Богъ указалъ намъ прежде всего жить въ мирѣ другъ съ другомъ. Исполнивъ заповѣдь Бога создавшаго 18.000 народовъ, я начинаю: дружба и пріязнь есть вино, и пр.“ Генералъ-губернаторъ сказалъ послу въ отвѣтъ на это письмо: „Я не трону тѣхъ кто дорожитъ дружбой великой русской земли, но горе тому кто не пойметъ благодѣтельныхъ видовъ миролюбиваго Бѣлаго Царя; войска Его Величества всегда готовы, по знаку моему, наказать безпокойнаго сосѣда, и никакія крѣпости, никакія вооруженія не спасутъ тогда виновнаго.“

Генералъ-губернаторъ велъ переговоры прямо и открыто. Государственный канцлеръ, князь Горчаковъ, вполнѣ одобрялъ этотъ способъ дѣйствій, и писалъ генералъ-губернатору: „Вы выражаете убѣжденіе вынесенное вами изъ опыта что въ сношеніяхъ съ Азіятцами главное условіе успѣха составляютъ неизмѣнная правдивость и твердость соединенная съ умѣренностью. Тѣмъ болѣе сочувствую этому убѣжденію что оно всегда служило руководствомъ моей политической дѣятельности въ сношеніяхъ какъ съ Востокомъ, такъ и съ Западомъ.“

Коканскому хану были предписаны пять пунктовъ извѣстнаго торговаго договора, и генералъ-губернаторъ непреклонно настаивалъ на ихъ принятіи. Требовалось: 1) свободнаго проѣзда русскихъ купцовъ во всѣ города ханства, 2) учрежденія, гдѣ мы пожелаемъ, караванъ-сараевъ, 3) права имѣть караванъ-башей (консуловъ) во всѣхъ городахъ ханства, 4) уравненія русскихъ купцовъ относительно пошлинъ съ

мусульманскими и 5) свободнаго пропуска черезъ Коканъ русскихъ каравановъ во всѣ сосѣднія владѣнія.

Ханъ возражалъ особенно противъ перваго и пятаго пунктовъ, увѣряя что онъ не можетъ поручиться за своихъ фанатиковъ-подданныхъ при появленіи русскихъ купцовъ. Генералъ-губернаторъ отвѣчалъ хану: „Великій Государь никогда не дозволитъ чтобы въ сопредѣльныхъ съ нами государствахъ было разногласіе между ханами и народомъ... Ваше высокостепенство пишете что не можете отвѣчать за поступки нѣкоторыхъ вашихъ подданныхъ въ отношеніи къ русскимъ торговцамъ. Отвѣчу вамъ на это: или они должны исполнять ваши повелѣнія, или они не признаютъ вашего главенства надъ ними. Народъ долженъ имѣть главу надъ собой. Тѣ изъ жителей которые вопреки вашихъ повелѣній нанесутъ вредъ русскимъ купцамъ должны будутъ подчиниться моимъ распоряженіямъ. Я не могу допустить въ сосѣдствѣ своевольныхъ жителей. Общее спокойствіе требуетъ подчиненія ихъ либо вашей, либо моей власти.“

Переговоры тянулись, и генералъ-губернаторъ намекнулъ наконецъ на возможность занятія Русскими Кокана. Тогда договоръ былъ подписанъ, и Худояръ писалъ генералъ-адъютанту Кауфману: „Теперь я вижу что величественный Бѣлый Царь предоставилъ вамъ вести всѣ дѣла и вполнѣ вамъ довѣряетъ, а также что Онъ, считая васъ самымъ достойнымъ, передалъ вамъ свои права, а потому все что будетъ вами установлено, подписано и утверждено вашею печатью, все это я буду считать утвержденнымъ самимъ Бѣлымъ Царемъ.“

Подписавъ договоръ, Худояръ, по словамъ г. Терентьева, сталъ покорнымъ слугой Русскихъ: онъ не только исполнялъ желанія Туркестанскаго генералъ-губернатора, но старался предупреждать ихъ.

Вскорѣ вспыхнула война съ Бухарой, и Русскіе заняли Самаркандъ. Коканцы хотѣли вмѣшаться въ войну за священный городъ Ислама, но Худояръ удержалъ ихъ. Онъ отправилъ даже пословъ сперва въ Самаркандъ, а по окончаніи войны — въ Ташкентъ, поздравить Русскихъ съ побѣдой. Въ награду, посольство Худояра было допущено въ Петербургъ, и хану пожалованъ орденъ Станислава 1-й степени съ брилліантами. О таковой милости Бѣлаго Царя онъ велѣлъ объявить во всѣхъ концахъ ханства „чтобы друзья радовались, а враги скучали.“

Вслѣдъ за заключеніемъ нами мира съ Бухарой произошли волненія въ Каратегинѣ, территоріи издавна спорной между Бухарой и Коканомъ. По требованію туркестанскаго генералъ-губернатора, Худояръ согласился возвратить Каратегинъ законному владѣтелю, такъ что между обоими ханствами образовалось полунезависимое владѣніе. Въ Коканъ бѣжали затѣмъ враждовавшіе съ нами и возставшіе противъ Бухары шахрисябзскіе беки, Джура-бій и Баба-бей. По требованію генералъ-губернатора, они были выданы Худояромъ нашимъ властямъ.

Одинъ изъ нашихъ отрядовъ ходившій на рекогносцировку въ верховья Заравшана подвергся нападенію коканскихъ горцевъ. Худояръ наказалъ виновныхъ и прислалъ въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ 5.000 руб. Въ 1871 году, послѣ неурожая, цѣны на хлѣбъ чрезвычайно поднялись въ Туркестанѣ; мы запретили вывозъ хлѣба изъ нашихъ владѣній, но Худояръ не только не сдѣлалъ того же, но принялъ на себя поставку провіанта для нашихъ войскъ расположенныхъ по границѣ, и удовлетворительно по пониженнымъ цѣнамъ исполнилъ ее въ 1871 и 1872 годахъ.

Всѣ эти факты несомнѣнно свидѣтельствуютъ о покорности Худояра и его стараніи исполнять приказанія русскихъ властей. Ханъ извѣщалъ генералъ-губернатора о всякомъ, хотя бы самомъ незначительномъ обстоятельствѣ, даже о семейныхъ дѣлахъ. Но есть и другое мнѣніе, столь рѣзко высказанное г. Скайлеромъ въ его печальной памяти депешѣ, будто договоръ съ Худояромъ оставался лишь на бумагѣ что ханъ продолжалъ взыскивать съ русскихъ купцовъ незаконныя пошлины, что купцы наши терпѣли притѣсненія въ Коканѣ, что на нихъ дѣлали иногда нападенія, остававшіяся не наказанными.

Истина, впрочемъ, ближе къ первому взгляду, хотя несомнѣнно что исполненіе договора съ Коканомъ оставляло желать многаго.

Нѣтъ сомнѣнія что мы добьемся теперь дѣйствительнаго обезпеченія нашихъ торговыхъ интересовъ въ Коканѣ. У насъ до сихъ поръ усиленно старались устранять

поводы къ столкновенію, и иногда смотрѣли сквозь пальцы на неисправности Худояра по торговому договору, довольствуясь его политическою покорностью.

№ 210.

Москва, 16-го августа.

Мы не ошибались привѣтствуя, за полтора года предъ симъ, брачный союзъ соединившій двѣ великія династіи, Россійскую и Британскую, какъ событіе великой важности не только для обѣихъ странъ, но и для цѣлаго цивилизованнаго міра. Наши слова не были обычною въ торжественныхъ случаяхъ фразой; въ нихъ выражалось убѣжденіе, и сказавшееся въ нихъ убѣжденіе оправдывается теперь съ каждымъ днемъ. Бракъ нашей Великой Княгини съ Его Королевскимъ Высочествомъ Герцогомъ Эдинбургскимъ не былъ дѣломъ политическаго разчета, но, какъ мы замѣчали тогда же, онъ и могъ стать началомъ тѣхъ симпатическихъ отношеній которыя гораздо вѣрнѣе и плодотворнѣе всякихъ дипломатическихъ комбинацій сближаютъ народы. При какихъ иныхъ обстоятельствахъ были бы возможны тѣ живыя проявленія народнаго чувства которыми ознаменовалось пребываніе Герцога Эдинбургскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ? Политическіе люди, съ той и другой стороны, могли бы ясно уразумѣвать пользу сближенія между обѣими странами, но ихъ идеи оставались бы отвлеченными комбинаціями чуждыми жизни, безъ того симпатическаго тока который порожденъ союзомъ любви соединившимъ обѣ династіи и черезъ то и оба народа. На берегахъ Оки и Волги, среди представителей всѣхъ сословій Русскаго народа, возглашаются тосты за королеву Викторію, за Британскій народъ, за англійскую армію, и дорогимъ гостемъ, вызвавшимъ эти привѣтствія, по единодушной просьбѣ всѣхъ присутствующихъ, посылается телеграмма къ Англійской королевѣ съ выраженіемъ чувствъ Русскаго народа. Самъ Августѣйшій гость, англійскій принцъ, отвѣчаетъ на привѣтствія тостами за Русскій народъ, за русскую торговлю, за русскую армію и флотъ. Возможно ли было когда-либо вообразить нѣчто подобное?

Благія послѣдствія сближенія Россіи и Англіи уже не замедлили обнаружиться, и текущій день даетъ пробу установившихся между ними отношеній. На Балканскомъ полуостровѣ снова возникли прискорбныя замѣшательства. Въ былое, и еще столь недавнее время, подобныя событія взволновали бы весь политическій міръ, возбудили бы всѣ подозрѣнія, пустили бы въ ходъ всѣ интриги. Въ напряженной, но безплодной борьбѣ между собою, державы были парализованы предъ зломъ которое вопіяло о помощи. То ли мы видимъ теперь? Общественное мнѣніе Англіи высказывается о событіяхъ совершенно также какъ высказывается общественное мнѣніе въ Россіи. Англійская печать ищетъ причинъ Герцеговинскаго возстанія не въ русскихъ интригахъ, какъ бывало, но тамъ гдѣ онѣ дѣйствительно кроются, въ неисправимой испорченности турецкой администраціи, въ неисполненіи обѣщаній данныхъ Портой Европѣ въ 1856 году, въ продолжающемся по сію пору невыносимомъ угнетеніи турецкихъ христіанъ. При взаимномъ довѣріи, согласное дѣйствіе державъ стало сразу возможнымъ, Порта отправляетъ на мѣсто событій спеціальнаго коммисара для разслѣдованія жалобъ инсургентовъ и ихъ удовлетворенія. Дружное дѣйствіе державъ было невозможно пока въ отношеніяхъ между Россіей и Англіей господствовало взаимное недовѣріе. Теперь же, при послѣдовавшемъ сближеніи между ними, мы видимъ что и по самому щекотливому вопросу, будто бы непримиримо раздѣлявшему ихъ интересы, онѣ могутъ дѣйствовать вполнѣ согласно.

Этого мало. Во взглядахъ на предстоящую державамъ задачу, на необходимость мѣръ чтобы предотвратить повтореніе подобныхъ взрывовъ, обнаруживается поразительное согласіе въ сужденіяхъ съ русской и съ англійской точки зрѣнія. Сегодня мы получили нумеръ газеты *Times* со статьей, о которой намъ было уже сообщено по телеграфу, — статьей повторяющею буквально то что̀ мы всегда высказывали и повторили въ № 204 нашей газеты о наилучшей реформѣ для обезпеченія существованія Турецкой имперіи. По поводу сужденій англійской же печати, признававшей серіозность кризиса и вѣрно объяснявшей его причины, но недоумѣвавшей какъ и что̀ тутъ дѣлать, мы высказали какое, по нашему мнѣнію, должно быть неизбѣжное заключеніе. „Такъ какъ

Порядокъ частнаго обвиненія введенъ у насъ Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства. По ст. 5 этого устава, порядокъ этотъ имѣетъ мѣсто по всѣмъ дѣламъ которые на *основаніи закона* не иначе могутъ быть возбуждаемы какъ вслѣдствіе жалобы потерпѣвшаго, а по стт. 316, 317, 344 и 351 Ценз. Уст. преслѣдованія за всякаго рода нарушенія авторскихъ правъ вчинаются не иначе какъ по жалобамъ для подачи коихъ установленъ извѣстный срокъ. Прокурорское преслѣдованіе нарушителей драматической собственности нигдѣ въ законѣ не указано.

Къ тому же, въ интересахъ самихъ драматическихъ писателей лучше имѣть право прекращать миромъ дѣла о самовольныхъ представленіяхъ.

Въ самовольномъ представленіи драматическихъ произведеній авторъ видитъ опасность для общественнаго порядка. Онъ говоритъ:

„Кто самовольно, съ корыстною цѣлью, среди привлеченнаго общества располагаетъ чужою собственностью, какъ бы своею, подвергая ея достоинство и значеніе мѣрѣ только собственныхъ силъ и средствъ и соотвѣтственно съ симъ производя такое или иное впечатлѣніе на публику, тотъ совершаетъ противуобщественное дѣяніе — преступленіе противъ общественнаго довѣрія, и въ такомъ случаѣ одно потерпѣвшее лицо не можетъ за все общество прекратить дѣло примиреніемъ или дѣяніе безусловно наказуемое обратить, по одной личной своей волѣ, въ ненаказуемое.“

Лучше было бы обойтись безъ такого аргумента, которымъ ослабляется, а не подкрѣпляется тезисъ. Усматривать въ дурномъ исполненіи труппы нѣчто опасное для общественнаго порядка, — c'est un peu trop fort.

Въ заключеніе не можемъ не пожелать успѣха призываемому авторомъ точному опредѣленію въ законѣ гражданской отвѣтственности за самовольныя представленія. Въ большинствѣ случаевъ имущественные интересы суть главнѣйшіе въ этомъ дѣлѣ, а они упущены изъ виду нашимъ закономъ. Это произошло случайно.

Наши гражданскіе законы заключаютъ въ себѣ опредѣленіе литературной, художественной и музыкальной собственности, но не знаютъ собственности сценической, права драматическихъ авторовъ на сценическое представленіе ихъ произведеній. Лишь въ одной статьѣ Уложенія о Наказаніяхъ находится нѣсколько словъ запрещающихъ сценическія представленія безъ разрѣшенія автора.

Отчего же въ нашихъ гражданскихъ законахъ не упомянуто право драматической собственности? Очень просто: эти законы изданы въ 1830 году, а сценическія представленія не были у насъ въ то время (какъ и до сихъ поръ) свободнымъ промысломъ. Въ провинціи театръ почти не существовалъ вовсе, а въ столицахъ театръ былъ, какъ и теперь, монополіей Министерства Двора; относительно же способа вознагражденія авторовъ за постановку піесъ на Императорскихъ театрахъ дѣйствовалъ спеціальный законъ. Этимъ наше законодательство ограничивается и до сихъ поръ, ибо въ сущности положеніе вещей лишь недавно стало измѣняться. Театральная монополія до сихъ поръ не отмѣнена въ столицахъ, и право авторовъ на вознагражденіе съ дирекціи Императорскихъ театровъ за постановку ихъ піесъ до сихъ поръ регулируется спеціальнымъ закономъ 1828 года. Провинціальныя сцены лишь въ послѣднее время стали получать значеніе, и лишь теперь наступила пора изданія закона, о которомъ ходатайствуетъ Общество Русскихъ Драматическихъ Писателей.

№ 214.

Москва, 20-го августа.

Старанія туркестанскаго генералъ-губернатора вступить въ мирное соглашеніе съ предводителями возстанія въ Коканѣ оказались напрасными. Коканцы съ непонятною дерзостью вторглись въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ наши предѣлы, и противъ нихъ, какъ извѣщали телеграммы генералъ-адъютанта Кауфмана отъ 7-го и 9-го августа, выступилъ изъ Ташкента отрядъ генералъ-лейтенанта Головачова.

Сегодня мы печатаемъ новую телеграмму туркестанскаго генералъ-губернатора отъ 17-го августа, сообщающую что наши войска уже успѣли покончить съ коканскимъ вторженіемъ. Всѣ шайки или истреблены или разогнаны. Неизвѣстно еще произведено ли уничтоженіе этихъ шаекъ отрядомъ генералъ-лейтенанта Головачова или мѣстными войсками. Пови-

димому и послѣднихъ оказалось достаточно для Коканцевъ. При отраженіи главныхъ коканскихъ полчищъ отъ Ходжента, тамъ не было отряда генерала Головачова. Коканцы напали со всѣхъ сторонъ на Ходжентъ, гдѣ укрылся бѣжавшій къ намъ ханъ Худояръ, но они были разбиты и прогнаны до границы однимъ гарнизономъ, подкрѣпленнымъ тремя ротами изъ ближайшаго къ нему города Ура-Тюбе. Коканцы напали также и на этотъ городъ, но чѣмъ кончилось это нападеніе еще неизвѣстно.

Телеграмма сообщаетъ что генералъ-адъютантъ Кауфманъ идетъ теперь съ войсками къ Ходженту и пойдетъ далѣе въ Коканъ.

Отраженіе коканскаго вторженія замѣчательно тѣмъ что при встрѣчахъ съ непріятелемъ у насъ почти не было потерь.

Непонятна дерзость нападенія произведеннаго Коканцами. Не могли же они имѣть надежду на успѣхъ. Могло случиться что Коканцы захватили бы врасплохъ и вырѣзали бы какую-либо горсть русскихъ солдатъ, но они не могли не знать какъ дорого имъ придется за то поплатиться. Не разчитывали ли они что туземцы русскихъ владѣній присоединятся къ нимъ? Но жители даже пограничнаго Кураминскаго уѣзда вовсе не вняли призывамъ къ священной войнѣ и тѣмъ еще разъ опровергли толки о недовольствѣ тамошняго населенія русскою властью. Не было ли какихъ-либо подстрекательствъ извнѣ, не надѣялись ли они на чью-либо помощь? *Туркестанскія Вѣдомости* сообщили что Коканцы получили какое-то подкрѣпленіе изъ недавно вассальнаго имъ Каратегина, но это слишкомъ ничтожное, заброшенное въ горахъ владѣніе о которомъ и говорить не стоитъ. Телеграммы *Голоса* изъ Ташкента, почти ни въ чемъ впрочемъ не оправдавшіяся, хотя и перешедшія во всѣ иностранныя газеты (*Голосъ* увѣрялъ напримѣръ будто дѣло дошло до того что жителямъ Ташкента раздаютъ оружіе для обороны города), упоминали между прочимъ о подстрекательствахъ со стороны Якубъ-Бека. На дняхъ мы сообщали, однако, о прибытіи Кашгарскаго посольства въ Россію, и къ тому же Якубъ-Бекъ занятъ у себя внутренними войнами и озабоченъ грозой которая давно уже собирается на него со стороны Китая. Самый переходъ войскъ изъ Кашгара въ Коканъ чрезвычайно труденъ; ихъ раздѣляютъ снѣговыя цѣпи Тянь-Шаня. До полученія болѣе точныхъ извѣстій трудно вѣрить чтобъ Якубъ-Бекъ оказалъ Кокану какое-либо содѣйствіе. Возстанія въ Коканѣ продолжаются непрерывно въ теченіе трехъ лѣтъ, и Якубъ-Бекъ никогда въ нихъ открыто не вмѣшивался, хотя онъ ненавидитъ Худояра и сочувствовалъ инсургентамъ. Въ послѣднее время Якубъ-Бекъ повидимому понялъ необходимость жить въ ладу съ Русскими, и на дняхъ мы прочли въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* корреспонденцію сообщавшую что русская торговля въ Кашгарѣ идетъ успѣшно и пользуется свободой какъ никогда прежде.

Исторія занятія нами Средней Азіи полна такими же безумными выходками каково теперешнее нападеніе Коканцевъ. Г. Терентьевъ, въ недавно вышедшей книгѣ *Россія и Англія въ Средней Азіи*, замѣчаетъ:

„Никакіе примѣры для среднеазіятскихъ властителей не служатъ на пользу. Такъ, пораженіе Кокана не только не остерегло Бухары, но привело ее къ такому поведенію которое вызвало войну 1868 года. Разгромъ Бухары не только не побудилъ шахрисябзкихъ бековъ исполнять самыя скромныя и законныя требованія наши, но даже такіе ничтожные беки какъ Кшутскій и Магіанскій не задумались, безо всякой нужды, поднять противъ насъ оружіе.“

Дѣло этихъ ничтожныхъ бековъ Кшутскаго и Магіанскаго дѣйствительно замѣчательно. Во время войны эмира Бухарскаго съ нами многія бекства ханства стали независимы, а Кшутское и Магіанское, расположенныя въ верховьяхъ Заравшана и прежде мало подчинявшіяся сосѣднимъ ханствамъ, вовсе вышли изъ-подъ власти эмира. Бухара была разгромлена въ конецъ; эмиръ предлагалъ сдаться со всѣми оставшимися войсками и артиллеріей, и просилъ позволенія удалиться въ Мекку; генералъ-адъютантъ Кауфманъ отвергъ эту капитуляцію и предписалъ Бухарѣ извѣстныя условія мира. И вотъ, черезъ какой-нибудь годъ послѣ этого полнаго разгрома важнѣйшаго изъ среднеазіятскихъ ханствъ, Кшутскій и Магіанскій беки, владѣтели какихъ-то небольшихъ помѣстій, нападаютъ на развѣдочный отрядъ Абрамова ходившій къ верховьямъ Заравшана, а затѣмъ вторгаются въ русскія владѣнія.

Трудно сохранять сколько-нибудь снос-

ныя мирныя отношенія къ племенамъ на которыя не дѣйствуетъ никакой урокъ.

Теперешнія коканскія владѣнія только небольшой остатокъ прежняго ханства, занимавшаго когда-то второе послѣ Бухары мѣсто между владѣніями Средней Азіи. Бо́льшая часть ханства завоевана нами въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ. Еще въ 1853 оренбургскій генералъ-губернаторъ Перовскій взялъ штурмомъ коканскую крѣпость Акъ-Мечеть. Въ 1860 году Коканцы пробовали было напасть на нашу сибирскую линію, но потеряли нѣсколько укрѣпленій и были жестоко разбиты подполковникомъ Колпаковскимъ. Вслѣдъ затѣмъ мы начали соединеніе нашихъ оренбургской и сибирской военныхъ линій, что̀ было возложено на полковниковъ Черняева и Веревкина. Тогда были заняты Ауліета, Туркестанъ, Чемкентъ и, наконецъ, Ташкентъ. Преемникъ генерала Черняева, генералъ Романовскій, присоединилъ къ нашимъ владѣніямъ Зачирчикскій край, житницу Туркестана, и занялъ Ходжентъ.

Во владѣніяхъ Коканскаго хана остался теперь небольшой уголокъ земли въ верховьяхъ Сыръ-Дарьи, окруженный съ трехъ сторонъ, съ сѣвера, востока и юга, снѣжными хребтами, а съ четвертой, съ запада, совершенно открытый для нашихъ войскъ. Населеніе Коканскаго ханства едва ли превышаетъ теперь 700.000 душъ; оно состоитъ изъ Узбековъ и Сартовъ, живущихъ въ городахъ и деревняхъ, и „дикокаменныхъ“ Киргизовъ (Кара-Киргизы) занимающихъ горы. Эти Киргизы слывутъ самыми неукротимыми разбойниками Верхней Азіи и играютъ въ ней такую же роль какъ Туркмены въ Аму-Дарьинскихъ степяхъ. Впрочемъ, они раздѣлены на множество мелкихъ родовъ, подродовъ и колѣнъ, находящихся въ постоянной враждѣ другъ съ другомъ. Оттого даже ничтожныя коканскія войска долгое время держали ихъ въ страхѣ. Успѣхъ послѣдняго возстанія противъ Худояра нельзя приписать силамъ самихъ Кара-Киргизовъ. Худояръ своими жестокостями и поборами возбудилъ противъ себя многочисленную партію между Узбеками и Сартами; Кара-Киргизы взяли верхъ когда войско измѣнило Худояру и перешло на ихъ сторону вмѣстѣ съ главнокомандующимъ Абдурахманомъ.

При занятіи Кокана, русскимъ войскамъ не придется брать какихъ-либо сильныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Такихъ въ ханствѣ нѣтъ. Столица ханства Коканъ, по свѣдѣніямъ г. Венюкова (*Опытъ Военнаго Обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи*, стр. 370), не имѣетъ никакихъ укрѣпленій, хотя мы и читали недавно въ *Русскомъ Мірѣ* что Коканъ обнесенъ толстою стѣной со рвомъ. Городъ Коканъ имѣетъ обширныя предмѣстья, съ которыми онъ занимаетъ верстъ двадцать въ окружности, а жителей въ немъ всего 60.000. Вообще коканскимъ городамъ очень трудно защищаться, потому что всѣ они кромѣ Намангапа лежатъ при канавахъ выведенныхъ изъ горныхъ рѣчекъ — сто́итъ только отвести арыки чтобъ оставить эти города безъ воды.

Теперешнія Коканскія владѣнія заключаютъ въ себѣ всю знаменитую своимъ плодородіемъ долину Ферганы, воспѣтую восточными поэтами на ряду съ Міанкаломъ (Заравшанскій округъ) и Бадахшаномъ. Фергана ничѣмъ не похожа на безплодныя среднеазіятскія степи которыми мы владѣемъ, и подходитъ къ Заравшанскому краю какъ по населенію, такъ и плодородію. Съ высокихъ хребтовъ окружающихъ Коканъ съ трехъ сторонъ текутъ множество горныхъ ручьевъ и рѣчекъ, разобранныхъ на арыки и обводняющихъ страну. Хлопокъ, пшеница, рисъ, всякаго рода фрукты, даютъ здѣсь самые лучшіе въ Туркестанѣ урожаи. Плодородіе Кокана лучше всего доказывается тѣмъ что 700.000 населеніе его, при безпрестанныхъ безпорядкахъ въ краѣ, выплачивало хану налоговъ 800.000 р. деньгами и 8.000.000 пуд. хлѣба, не считая большихъ поборовъ дѣлаемыхъ мѣстными беками и сборщиками податей.

№ 215.

Москва, 21-го августа.

Москва приняла въ этотъ разъ съ особеннымъ чувствомъ гордости и воодушевленія своего Государя, еще недавно, въ проѣздъ чрезъ Берлинъ, стяжавшаго въ глазахъ всей Европы давно Имъ заслуженную славу миротворца.

18-го августа, сходя съ Краснаго крыльца въ Успенскій соборъ, Государь былъ привѣтствованъ громкими и восторжен-

1870 году имперія для пріобрѣтенія себѣ союзниковъ, должны бы убѣдить г. Ларонсьера-Ленури что Франціи недостаточно не быть республикой для занятія въ средѣ европейскихъ государствъ мѣста котораго онъ для нея требуетъ."

Общественное мнѣніе съ тревогой ожидало какъ отзовется правительство на удивительную выходку адмирала Ларонсьера; большинство газетъ, высказывая мнѣнія что она не можетъ оставаться безнаказанною, полагали однако что маршалъ Макъ-Магонъ, снискавшій себѣ военную славу на службѣ имперіи и сохранившій къ ней явное сочувствіе, не рѣшится употребить мѣры строгости противъ такого заслуженнаго и вліятельнаго лица какъ адмиралъ Ларонсьеръ-Ленури, тѣмъ болѣе что и совѣтникъ его, г. Бюффе, по общему мнѣнію, питаетъ пристрастіе къ бонапартизму. Недоумѣнія эти разсѣялись краткимъ извѣщеніемъ появившимся въ *Официальномъ Журналѣ*, отъ 9-го сентября, о коемъ уже сообщилъ телеграфъ, что на мѣсто барона Ларонсьера-Ленури командующимъ эскадрой Средиземнаго моря назначается вице-адмиралъ Розъ.

Этотъ рѣшительный поступокъ маршала Макъ-Магона придаетъ большую вѣроятность сообщенію *Echo Universel*, отъ 8-го сентября, будто бы въ одномъ изъ частныхъ разговоровъ маршалъ Макъ-Магонъ очень строго отозвался о нападеніяхъ направленныхъ противъ депутатовъ утвердившихъ конституцію. „Если этимъ думаютъ угодить мнѣ," сказалъ будто бы маршалъ, „то грубо ошибаются. Нападать на конституцію значитъ нападать на самого меня, потому что она была утверждена только по требованію моего правительства."

Съ своей стороны, *Figaro* сообщаетъ что въ совѣтѣ министровъ, на которомъ была рѣшена отставка адмирала Ларонсьера-Ленури, Маршалъ Макъ-Магонъ съ чрезвычайною живостью выразился о его поступкѣ и сравнивалъ его съ поступкомъ генерала Карре де-Бельмара, уволеннаго отъ службы два года тому назадъ за порицаніе дѣйствій Національнаго Собранія. Когда одинъ изъ министровъ замѣтилъ что адмиралъ состоитъ депутатомъ, тогда какъ генералъ Карре де-Бельмаръ не былъ таковымъ, то маршалъ отвѣчалъ:

„Адмиралъ Ларонсьеръ на бортѣ своего „адмиральскаго корабля, уже не политическій человѣкъ; онъ только морякъ, и „еслибъ я, будучи депутатомъ, командовалъ армейскимъ корпусомъ, то я считалъ бы себя только солдатомъ. Въ этомъ „случаѣ депутатъ исчезалъ предъ адмираломъ. Г. Ларонсьеръ-Ленури долженъ „бы понимать это."

Къ замѣткѣ *Официальнаго Журнала* объ увольненіи адмирала Ларонсьера не прибавлено никакого объясненія, но въ *Корреспонденціи Гаваса* сказано что по прочтеніи письма, маршалъ нашелъ нужнымъ созвать немедленно совѣтъ министровъ, на который вызванъ былъ по телеграфу, морской министръ, находившійся въ Нормандіи и наиболѣе заинтересованный въ этомъ дѣлѣ. Единогласно и безъ преній, говоритъ официозное изданіе, совѣтъ тотчасъ же принялъ мѣру, о которой возвѣщено въ *Официальномъ Журналѣ*, и „которая вѣроятно заранѣе была рѣшена въ умѣ каждаго изъ его членовъ."

Такое быстрое энергическое рѣшеніе маршала Макъ-Магона свидѣтельствуетъ что онъ серіозно смотритъ на свои обязанности какъ главы правительства; его рѣшимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единодушіе кабинета обезпечиваютъ торжество конституціи 25-го февраля. Принимая такую крутую мѣру противъ одного изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ партіи возванія къ народу, правительство маршала Макъ-Магона разорвало всѣ связи съ бонапартизмомъ, единственною партіей которая была для него опасна, и которую оно щадило до сихъ поръ, если не по политическимъ соображеніямъ, то по личной симпатіи президента и его совѣтниковъ.

№ 224.

Москва, 3-го сентября

Недавно еще мы видѣли какъ спокойно приняла англійская печать извѣстіе о предполагаемомъ походѣ русскаго отряда на Мервъ, гнѣздо безпокойныхъ Туркменъ-Теке, для обузданія этихъ хищниковъ. То же самое видимъ мы теперь при извѣстіяхъ о безпорядкахъ въ Коканѣ. Англійская печать находитъ естественнымъ вызванное этими безпорядками и вторженіемъ въ наши границы вмѣшательство русской власти, и не только ожидаетъ вслѣдъ за симъ прекращенія всякой независимости ханства, но предвидитъ что рано или поздно

такая же участь и по тѣмъ же причинамъ должна будетъ постигнуть и Бухару; а прежде Англія считала даже занятіе Самарканда какъ бы угрозой для себя, и даже освѣдомлялась почему Россія не исполнила своего перваго намѣренія возвратить этотъ городъ эмиру Бухарскому.

Что касается Кокана, то онъ, правда, лежитъ совершенно въ сторонѣ и далѣе всѣхъ другихъ ханствъ Средней Азіи отъ границъ Индіи, но онъ имѣетъ интересъ для Англичанъ по другой причинѣ, вслѣдствіе своего непосредственнаго сосѣдства съ Кашгаромъ. Съ полнымъ подчиненіемъ Кокана, Россія очутится въ сосѣдствѣ съ эмиромъ Якубъ-Ханомъ Кашгарскимъ не только съ сѣвера, но и съ запада, и имѣя притомъ непримиримыхъ враговъ на востокѣ въ Китайцахъ, этотъ властитель принужденъ будетъ стать къ намъ въ иное отношеніе чѣмъ до сихъ поръ. Предвидѣніемъ этого неизбѣжнаго послѣдствія объясняется почему газета *Morning Post*, одна изъ немногихъ продолжающихъ держаться прежняго враждебнаго отношенія къ нашему отечеству, усмотрѣла въ Русскомъ движеніи на Коканъ возмутительное презрѣніе къ дипломатическимъ обязательствамъ (?). Но этотъ запоздалый взрывъ гнѣва уже не находитъ прежняго отголоска. Всѣ другіе органы лондонской печати не могли не признать что Россія имѣетъ полное право дѣйствовать въ данномъ случаѣ какъ знаетъ. Характернѣе всѣхъ было сужденіе *Times*. По поводу слуховъ, пока еще не имѣющихъ никакого офиціальнаго подтвержденія, о томъ что возмущеніе въ Коканѣ было возбуждено подстрекательствами Якубъ-хана, и въ то самое время когда посланецъ его находится въ Петербургѣ, органъ Лондонскаго Города прямо высказалъ что во всякомъ случаѣ „территоріи Кашгарскаго владѣтеля суждено перейти подъ власть Россіи.“ Лондонская газета сомнѣвалась въ справедливости упомянутыхъ слуховъ, находя невѣроятнымъ чтобъ Якубъ-ханъ подстрекалъ къ сопротивленію Россіи въ то самое время когда ведетъ войну съ Китайцами, но присовокупила слѣдующее разсужденіе: „Якубъ-ханъ долженъ быть „однако слишкомъ самоувѣренъ если онъ „думаетъ что ему будетъ дозволено удер„жать свою власть долѣе чѣмъ Россія „найдетъ это возможнымъ. Онъ совершилъ „роковую ошибку сдѣлавшись самымъ „опаснымъ врагомъ ея въ Средней Азіи „тѣмъ что обучилъ армію по-европейски „и распоряжается ею съ искусствомъ опыт„наго солдата. Подобная сила должна быть „сокрушена при первомъ случаѣ чтобъ „обезопасить русскія завоеванія, и не мо„жетъ быть лучшей поры для нападенія „какъ во время его войны съ Китаемъ... „Когда Коканъ будетъ занятъ русскими „войсками, Якубъ-ханъ будетъ подъ ру„кой генерала Кауфмана, и отъ него по„требуются спеціальныя ручательства пре„данности Русскому Царю. Эти ручатель„ства будутъ началомъ конца.“

Въ другой статьѣ, о которой намъ недавно было сообщено по телеграфу, *Times* возвращается къ этому предмету по поводу извѣстія объ успѣхѣ одержанномъ русскими войсками надъ коканскими бунтовщиками, въ чемъ, конечно, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, и хотя до сихъ поръ все еще нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ которыя удостовѣряли бы въ участіи Якубъ-хана въ коканскихъ смутахъ, лондонская газета повторяетъ свое предположеніе касательно будущей участи его владѣнія. „Мы не можемъ ожидать,“ говоритъ она, „что „движеніе Россіи остановится на этомъ „(то-есть на Коканѣ)... Обладаніе Кашга„ромъ доведетъ территорію Россіи до са„мыхъ границъ Китайской имперіи, и от„кроетъ путь богатой торговлѣ съ Восто„комъ. Когда Коканъ и Бухара будутъ „лишены тѣни независимости, то генералу „Кауфману останется лишь захватить „Кашгаръ чтобы стать повелителемъ всей „территоріи къ сѣверу отъ Окса. До сихъ „поръ Россія будетъ строга въ своемъ „дипломатическомъ правѣ, ибо она, послѣ „многихъ препирательствъ съ нашимъ пра„вительствомъ, согласилась принять Оксъ „на нѣкоторомъ протяженіи сѣверною гра„ницей Афганистана. Но, завладѣвъ всѣмъ „Коканомъ и всею широкою полосой тер„риторіи къ сѣверу отъ рѣки, она под„вергнется искушенію раздвинуть свои „завоеванія далѣе на востокъ. За Кока„номъ лежитъ Кашгаръ, а къ югу отъ „него передовые посты Британской дер„жавы. Какъ только это владѣніе будетъ „занято войсками Русскаго Царя, онъ ста„нетъ обладателемъ всей Азіи на востокъ „до Китая, а на югъ до Индіи, Афгани„стана и Персіи. Его владѣнія будутъ „прекрасно округлены.“ Затѣмъ, *Times*

излагаетъ и торговыя причины, кромѣ политическихъ, побуждающія Россію къ подчиненію Кашгара и открытію чрезъ него прямаго кратчайшаго пути въ Китай, даже гораздо болѣе краткаго чѣмъ путь который Англичане стремятся установить изъ Индіи въ Юннанъ черезъ Бирманію. И хотя *Times* считаетъ пока еще слишкомъ фантастическими мечтанія о желѣзной дорогѣ черезъ степи и оазисы Средней Азіи до самой границы Китая, и кромѣ того замѣчаетъ что до сихъ поръ торговля самой Средней Азіи не оправдала надеждъ русскихъ протекціонистовъ и не окупаетъ большихъ расходовъ военнаго занятія, однако, припоминая что еще по формальному трактату съ Китайцами, когда они владѣли Кашгаромъ, Россія пріобрѣла право имѣть въ немъ торговую станцію, лондонская газета уже изъ одного этого обстоятельства заключаетъ что „такимъ образомъ Кашгаръ былъ давно намѣченъ какъ поле неизбѣжнаго завоеванія.“ Что касается до самаго Якубъ-хана, то хотя онъ самый способный и грозный изъ азіятскихъ хановъ, хотя съ нимъ не такъ легко будетъ справиться какъ съ правителями Кокана и Бухары, но противъ Россіи конечно онъ не можетъ устоять. Къ тому же онъ между двухъ огней, и хотя бы противъ Китайцевъ и могъ имѣть успѣхъ, „но всѣ его способности, энергія и успѣхи не дадутъ ему возможности вести борьбу противъ Россіи.“

Итакъ, хотя Россія до сихъ поръ, сколько извѣстно не имѣетъ прямаго повода къ столкновенію съ Кашгаромъ, однако Англичане уже теперь предвидятъ что рано или поздно и это ханство должно будетъ или совсѣмъ подчиниться Россіи, или, по крайней мѣрѣ, стать въ вассальную отъ нея зависимость. Черезъ это Россія можетъ де придти въ болѣе близкое сосѣдство къ англійскимъ владѣніямъ чѣмъ изъ какого другаго пункта Средней Азіи; а именно, здѣсь она подошла бы уже не къ промежуточному владѣнію, въ родѣ Афганистана, а къ „передовымъ постамъ Британской державы.“ И однако даже эта случайность предусматривается теперь Англичанами съ полныхъ спокойствіемъ. Перемѣна взглядовъ англійской печати въ этомъ отношеніи особенно знаменательна, ибо извѣстно что недавно еще Англичане надѣялись что Якубъ-ханъ въ состояніи будетъ основать прочное и организованное мусульманское владѣніе способное стать преградой дальнѣйшему движенію Россіи въ Азіи. Извѣстно что и онъ самъ, опасаясь Россіи и ведя смертельную борьбу съ Китаемъ, заискивалъ сношеній съ Англичанами и ожидалъ отъ нихъ покровительства и помощи, а они, съ своей стороны, отвѣчали съ поспѣшною предупредительностью на его предложенія, отправляли къ нему посольства и караваны съ товарами и оружіемъ, несмотря на затруднительность сообщенія черезъ высокіе и пустынные горные перевалы, проходимые только въ извѣстные мѣсяцы, и продолжаютъ держать въ Кашгарѣ своего агента, хотя торговыя сношенія до сихъ поръ были ничтожны, несмотря на описаніе бывшими тамъ Англичанами богатствъ края. Извѣстно далѣе что были попытки со стороны Англіи включить и эту область въ предполагавшійся ими нейтральный поясъ для огражденія Индіи. По крайней мѣрѣ объ этомъ была рѣчь во время поѣздки г. Форсайта въ Петербургъ. Но русское правительство, изъявляя готовность предоставить вполнѣ англійскому вліянію Афганистанъ, съ которымъ оно не имѣло никакихъ дѣлъ, отклонило переговоры касательно Кашгаріи, съ которою, какъ признаетъ теперь *Times*, Россія была въ сношеніяхъ еще когда этимъ краемъ владѣли Китайцы. Вслѣдствіе сего, при послѣдовавшемъ позднѣе соглашеніи Россіи и Англіи касательно сѣверной границы Афганистана, о Кашгарѣ уже не было и рѣчи, и мы помнимъ какъ при обсужденіи результатовъ этого соглашенія въ англійскомъ парламентѣ высказывались нѣкоторыми политиками разочарованія по сему поводу. Мы припоминаемъ теперь эти обстоятельства не съ цѣлью укоризны за прошлое, а чтобъ яснѣе показать при настоящемъ случаѣ какъ упростились взаимныя отношенія Англіи и Россіи по вопросамъ, обсужденіе коихъ такъ недавно еще возбуждало раздраженіе. Мы убѣждены что твердость Россіи принесла и самому Якубъ-хану Кашгарскому гораздо болѣе пользы чѣмъ какія-либо гарантіи которыя прежде желала для него выговорить Англія. Что бы ни говорили о порядкахъ заведенныхъ имъ въ своихъ владѣніяхъ, но на прочность государственной организаціи въ мусульманскихъ ханствахъ полагаться нельзя. Тамъ все зависитъ отъ личности правителя. Пока эмиръ Кашгарскій исполняетъ

обязанности добраго сосѣдства и условія договоровъ, ему нечего опасаться Россіи; то же самое можетъ относиться и къ его преемникамъ если онъ сумѣетъ отстоять свое владѣніе отъ Китайцевъ. Россія не ищетъ присоединеній изъ завоевательныхъ цѣлей; всѣ ея расширенія въ Средней Азіи вынуждались необходимостью обезпечить свою границу и обуздать порубежныхъ хищниковъ. Но продолженіе независимости сосѣднихъ съ нею мелкихъ среднеазіятскихъ владѣтелей, въ томъ числѣ и Кашгарскаго, возможно лишь при условіи чтобъ они понимали съ кѣмъ имѣютъ дѣло, при убѣжденіи въ неотразимости возмездія за всякое нарушеніе должнаго къ Россіи уваженія. Внушить же это убѣжденіе Азіятцамъ невозможно когда въ сношеніяхъ между ними и цивилизованною страной допускается чье-либо посторонее посредничество.

Впрочемъ, какъ мы уже сказали выше, не одна газета *Times* смотритъ теперь иначе чѣмъ прежде на положеніе Россіи въ Средней Азіи. И другіе органы англійской печати также содѣйствуютъ теперь распространенію въ общественномъ мнѣніи болѣе здравыхъ взглядовъ на этотъ предметъ. *Daily News*, напримѣръ, по поводу событій въ Коканѣ, заявляетъ что еслибъ Англія была дѣйствительно естественною покровительницей Узбекскихъ ханствъ, какъ это говорятъ ей нѣкоторые изъ ея способнѣйшихъ совѣтниковъ, или еслибъ эти ханства были естественными союзниками Англіи, то конечно теперь ей слѣдовало бы поступить на основаніи такого убѣжденія; съ точки зрѣнія Англо-Индійцевъ смотрящихъ съ неудовольствіемъ на приближеніе Россіи къ границамъ Афганистана, конечно, господство ея въ Коканѣ должно бы сильно озаботить Англію; но англійскій народъ, по замѣчанію названной газеты, начинаетъ привыкать смотрѣть на приближеніе Россіи къ Индіи съ полнымъ спокойствіемъ, какъ на фактъ къ которому приходится примѣниться, и который межетъ оказаться далеко не столь грознымъ какъ это нѣкогда казалось.

Мы можемъ также указать что въ торійскомъ органѣ *Pall Mall Gasette* помѣщались въ послѣднее время письма о Средней Азіи, въ коихъ разказывалась вкратцѣ исторія русскаго движенія съ самаго начала завоеванія Сибири. Въ заключеніи послѣдняго изъ этихъ писемъ было сказано: „До сихъ поръ только самые отчаянные руссофобы могли видѣть въ этихъ „движеніяхъ какую-либо угрозу для Индіи „и не признавать во нихъ великаго блага„годѣянія для нѣсколькихъ милліоновъ „народа, для коихъ русское управленіе „есть гораздо большее благо чѣмъ для „бывшихъ крѣпостныхъ было ихъ освобожденіе.“

№ 225.

Москва, 4-го сентября.

Парламентская дѣятельность въ Австро-Венгріи началась на этотъ разъ съ сеймовъ въ земляхъ принадлежащихъ къ коронѣ Св. Стефана. 23-го августа открылся сеймъ Хорватскій, а вслѣдъ за нимъ Венгерскій. Роль предписанная первому есть чисто мѣстная, и еслибы не особенныя обстоятельства, то засѣданія Хорватскаго сейма не представили бы интереса даже въ смыслѣ внутренней политики Австріи. Настоящему сейму, имѣющему длиться три года, придется, положимъ, пересматривать въ 1877 году укладъ съ Венгріей, но едва ли въ самой Хорватіи найдется нынѣ патріотъ который вздумалъ бы возлагать надежды на этотъ пересмотръ и мечтать о возстановленіи независимаго Тріединаго королевства на югѣ Австріи. Въ послѣднюю сессію прошлаго сейма одинъ изъ представителей такого образа мыслей, депутатъ Маканечъ, еще пытался смущать пештскихъ политиковъ различными запросами и предложеніями, но успѣхъ его былъ только ораторскій. Ему апплодировала публика присутствовавшая на сеймѣ въ галереяхъ, да студенты вновь основаннаго Загребскаго университета устраивали въ честь его никому необидныя овваціи. Послѣдніе выборы въ сеймъ доказали, однако, что идея отдѣленія не имѣетъ въ Хорватіи прочныхъ корней. Оппозиціи удалось провести только трехъ кандидатовъ и между ними, конечно, Моканча. Но событія разыгравшіяся по сосѣдству въ Босніи и Герцеговинѣ, смутившія спокойствіе хорватскаго населенія, не могли не отразиться на новомъ сеймѣ. Естественное участіе къ тысячамъ христіанскихъ семей бѣжавшихъ изъ мѣстъ кровопролитія на австрійскую почву привело къ тому что

КАБИНЕТ ИСТОРИИ

М. Н. КАТКОВЪ.

И 305/1

СОБРАНІЕ
ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ
МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.
1876 годъ.

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.

1897.

одной стороны, періодическіе толки о мнимомъ тайномъ антагонизмѣ между Россіей и Германіей, съ другой—упованіе что этотъ воображаемый антагонизмъ рано или поздно приведетъ къ раздору съ мечтаемыми его послѣдствіями. Вышедшая недавно брошюра *Европа и Война (L'Europe et la Guerre.* Paris. Dentu. 8°. 15 р.) въ сотый разъ развиваетъ эту мысль, прибавляя что „война должна состояться вскорѣ“ (à brève échéance).

Нѣтъ надобности доказывать призрачность этихъ соображеній. Даже когда только еще начиналось собираніе германской земли, когда Франція старалась *a priori* сдержать прусскаго Кавура и когда ему грозили изъ Парижа различными союзами, и тогда во французскихъ газетахъ можно было встрѣтить болѣе практическое сужденіе. „Въ увеличеніи и укрѣпленіи Пруссіи,“ писалъ въ августѣ 1866 года даже нерасположенный къ послѣдней *Etendard*, „нѣтъ ничего что должно бы пугать рус„скихъ государственныхъ людей. Россіи „предстоитъ энергическая дѣятельность въ „Центральной Азіи, и въ то же время она „постоянно занята осуществленіемъ гро„мадныхъ внутреннихъ реформъ: ей нечего „опасаться величія союзной державы, ко„торая прикрываетъ ея западныя границы „и имѣемъ тождественные съ нею интересы „въ Польскомъ вопросѣ.“ Въ послѣдствіи взгляды французскихъ публицистовъ измѣнились. Національная бѣда удесятерила въ нихъ привычку приводить международные вопросы къ французскому знаменателю, не обращая вниманія на различіе отношеній. Они внезапно увѣровали что Россіи предстоитъ неизбѣжная распря съ Германіей, подобно тому какъ неизбѣжна была распря Франціи съ нею...

Въ современной Европѣ никакого антагонизма между Россіей и Германіей не предусматривается. Интересы ихъ если не во всемъ тождественны, то во всемъ примиримы. Пока обѣ державы остаются въ силѣ, пока правительства ихъ держатся на высотѣ не становясь орудіемъ страстей и партій и не выпуская дѣлъ изъ своихъ рукъ, нечего опасаться столкновенія между ними, нечего и разчитывать на то. Въ иныя соображенія легко можетъ увлекаться Французъ, естественно предающійся неосмотрительнымъ порывамъ возбужденнаго національнаго чувства; но расположенному ко Франціи Русскому слѣдуетъ предостерегать эту страну отъ свойственныхъ ея темпераменту увлеченій. Замѣтимъ, кстати, что едва ли уважаемый публицистъ, котораго произведеніе вызвало эти строки, не впадаетъ также въ заблужденіе, какъ бы вѣруя въ установленіе Французской республики и полагая что если республика установится во Франціи, то эта форма правленія будетъ воспроизведена въ большей части европейскихъ странъ, *начиная* съ Англіи. Достаточно вспомнить документы Арнимовскаго процесса чтобы понять въ какой мѣрѣ Французская республика есть плодъ искусственнаго насажденія, которому не чужды и посторонніе садоводы, какъ князь Бисмаркъ.

№ 57.

Москва, 4-го марта.

Вчера мы напечатали указъ объ образованіи Ферганской области изъ земель новозавоеваннаго Коканскаго ханства, а сегодня помѣщаемъ приказъ о назначеніи военнымъ губернаторомъ тамъ генералъ-майора Скобелева, которому досталась честь военныхъ дѣйствій усмирившихъ кочевое населеніе ханства, а также поимки всѣхъ главныхъ предводителей „священной войны“ противъ Русскихъ.

Россія впервые столкнулась съ Коканскимъ ханствомъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ, и теперь все ханство до послѣдней пяди земли вошло уже въ русскіе предѣлы. Поводомъ къ столкновенію съ Коканомъ было занятіе низовьевъ Сыръ-Дарьи, начатое нами въ 1847 году постройкой Раимскаго или Аральскаго укрѣпленія. Не задолго передъ тѣмъ, наши киргизскія степи были взволнованы упорнымъ мятежомъ Кенисары Касимова. Чтобъ умиротворить степи рѣшено было выдвинуть укрѣпленія—мѣра помощью которой мы смирили въ прошломъ столѣтіи Калмыковъ и Башкиръ (чрезъ устройство Уральской и Оренбургской линій). Въ степяхъ были заложены укрѣпленія Оренбургское на Тургаѣ, Уральское на Иргизѣ и Раимское въ низовьи Сыръ-Дарьи. Но въ послѣднихъ мѣстахъ было не мало коканскихъ укрѣпленій, и между ними главное—крѣпость Акъ-Мечеть. Опираясь на свои укрѣпленія, Коканцы притѣсняли и грабили подвластныхъ Россіи Киргизовъ; въ 1850 году, они угнали до 56.000 головъ скота, въ 1851—

сразу до 75.000, и тогда начальникъ Аральскаго укрѣпленія, майоръ Энгманъ, преслѣдуя грабителей, взялъ приступомъ коканское укрѣпленіе Кошъ-Курганъ. Но грабежи продолжались, и въ 1852 году оренбургскій генералъ-губернаторъ Перовскій началъ открытую войну съ Коканомъ. Первый приступъ къ Акъ-Мечети былъ отбитъ, и она взята лишь въ слѣдующемъ 1853 году отрядомъ подъ начальствомъ самого Перовскаго. Акъ-Мечеть теперь фортъ Перовскій. Коканцы попытались было отбить эту крѣпость. Въ декабрѣ 1853 года, скопища ихъ въ 13.000 человѣкъ съ 17 орудіями обложили неустроенное еще нами укрѣпленіе въ Акъ-Мечети, гдѣ Русскихъ было около тысячи человѣкъ. Войска сдѣлали смѣлую вылазку, въ прахъ разбили Коканцевъ и отняли у нихъ всѣ орудія. Этимъ кончилась наша первая война съ Коканомъ.

Во время Восточной войны, въ среднеазіатскихъ степяхъ было спокойно.

Вторую войну Коканцы начали нападеніями на нашу сибирскую линію. Въ 1860 году напали они на укрѣпленіе Кастекъ, но неудачно. Затѣмъ нашъ Зачуйскій отрядъ взялъ коканскія укрѣпленія Токмакъ и Пишпекъ, и срылъ ихъ. Коканцы бросились вслѣдъ за возвращавшимся на линію отрядомъ, и тогда-то начальникъ Алатавскаго округа, подполковникъ Колпаковскій, на голову разбилъ 20.000 Коканцевъ и отнялъ у нихъ всю артиллерію. Въ концѣ 1861 года оренбургскій генералъ-губернаторъ Безакъ представилъ записку о необходимости соединенія Сибирской и Сыръ-Дарьинской линій; онъ полагалъ исполнить этотъ планъ совокупными усиліями Оренбургскаго и Сибирскаго отрядовъ, которые должны были сойтись подъ Ташкентомъ и взять этотъ городъ. Въ февралѣ 1863 года, по окончательномъ обсужденіи записки Безака, рѣшено ограничиться на первое время рекогносцировками и не брать даже Ауліе-ата, коканской крѣпости лежавшей на пути Сибирскаго отряда. Но сила вещей заставила исполнить планъ генерала Безака. Оренбургскимъ отрядомъ командовалъ полковникъ Веревкинъ, Сибирскимъ—полковникъ Черняевъ. Первый отрядъ въ 1864 году занялъ Туркестанъ, второй—Ауліе-ата, и соединеніе Сибирской и Сыръ-Дарьинской линій совершилось. Начальникомъ новой Коканской линіи былъ назначенъ Черняевъ. Дѣйствія Коканцевъ вынудили его въ томъ же 1864 году занять Чекментъ, а въ слѣдующемъ взять самый Ташкентъ и присоединить его къ Россіи. Преемникъ генерала Черняева, генералъ Романовскій, присоединилъ къ нашимъ владѣніямъ Зачирчикскій край, житницу Ташкента, и взялъ Ходжентъ, считая его ключомъ къ долинѣ Фергана, что вполнѣ оправдалось въ прошломъ году. Такъ кончилась наша вторая война съ Коканомъ, причемъ это ханство потеряло бо́льшую половину своихъ владѣній,—все среднее теченіе Сыръ-Дарьи и земли къ сѣверу отъ окаймляющихъ ее хребтовъ.

Со времени втораго погрома, ханъ Коканскій Худояръ созналъ необходимость стать въ вассальныя къ Россіи отношенія. Это выразилось не столько торговымъ трактатомъ съ нами, поразительно умѣреннымъ по требованіямъ съ нашей стороны, сколько усерднымъ исполненіемъ приказаній получаемыхъ изъ Ташкента и полнымъ нейтралитетомъ при войнахъ Россіи съ Бухарой и Хивой. Худояръ даже поздравлялъ генерала фонъ-Кауфмана съ побѣдами надъ эмиромъ Бухарскимъ и ханомъ Хивинскимъ. Коканскій ханъ ставилъ хлѣбъ для нашихъ войскъ, наказывалъ горцевъ, нападавшихъ на наши малые отряды. По требованію туркестанскаго генералъ-губернатора, Худояръ, не смотря на ропотъ приближенныхъ и народа, выдалъ намъ бѣжавшихъ къ нему, изъ владѣній Бухарскаго эмира, шахрисябскихъ бековъ Джура-бія и Баба-бія. Интересно припомнить теперь сношенія между туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ и Худояромъ по поводу вассальнаго Кокану Каратегина. Къ югу отъ Коканскихъ владѣній, среди горъ окаймляющихъ съ сѣвера Аму-Дарью, расположены бекства Гассарское, Кулябское и Каратегинское. Въ 1869, эмиръ Бухарскій подчинилъ себѣ эти бекства, и изъ Каратегина прогналъ коканскаго вассала Ширъ-Али. Генералъ Кауфманъ приказалъ эмиру возвратить Каратегинъ законному владѣтелю Музафаръ-шаху, но Ширъ-Али вторгся въ Каратегинъ, былъ разбитъ сосѣдними беками и взятъ въ плѣнъ. Тогда изъ Ташкента еще разъ приказано было Худояру возвратить Каратегинъ Музафаръ-шаху, жившему плѣнникомъ въ Коканѣ, а эмиру — освободить Ширъ-Али. Эмиръ исполнилъ приказаніе, а Худояръ долго тянулъ дѣло.

Политика поддержанія мѣстныхъ хановъ имѣла ту опасность что опираясь на русскія силы ханы могли безъ всякаго удержу предаваться своему деспотизму; прежде ихъ все-таки до извѣстной степени ограничивали безпрестанныя возстанія населеній, теперь сдержанныхъ русскою властію. Дѣйствительно Худояръ скоро перешелъ всѣ границы злоупотребленія властью, и противъ него вспыхнуло возстаніе кочеваго населенія Кипчаковъ и Киргизовъ, постоянно впрочемъ враждующихъ съ осѣдлымъ населеніемъ ханства. Много лѣтъ боролся ханъ съ этимъ возстаніемъ, но неподдержанный Русскими въ прошломъ году онъ бѣжалъ въ наши предѣлы.

Послѣднія событія у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. Туркестанскій генералъ-губернаторъ, покоривъ ханство, попробовалъ было укрѣпить на престолѣ сына Худояра Насръ-Эддина, но попытка не удалась. Насръ-Эддинъ долженъ былъ бѣжать изъ Кокана, а русскимъ войскамъ, подъ начальствомъ генерала Скобелева, пришлось выдержать упорную борьбу съ кочевымъ населеніемъ ханства и снова завоевать его.

При первыхъ извѣстіяхъ о послѣднихъ волненіяхъ въ Коканѣ, *Русскій Міръ*, перомъ весьма компетентнаго лица, предостерегалъ отъ окончательнаго занятія Кокана и предвѣщалъ что оно создастъ для насъ новый Кавказъ—непрерывную борьбу съ тамошними горцами. Мы высказали тогда иное мнѣніе, и полагали что занятіе Кокана станетъ дѣломъ неизбѣжнымъ. Для спокойствія края намъ слѣдовало держать крѣпкою рукой не одно осѣдлое населеніе, и безъ того спокойное, а именно тѣ племена которыя всегда были источникомъ мѣстныхъ смутъ, то есть кочевниковъ Кокана и Туркменъ Хивы. Новый Кавказъ въ Средней Азіи — дѣло весьма мало вѣроятное. Горцы Средней Азіи—кочевники, а не осѣдлые жители, какъ было на Кавказѣ. Къ тому же среднеазіятскія владѣнія находятся въ періодѣ разложенія, а воинственный духъ давно уже оставилъ поклонниковъ Магомета. Кавказская война была чуть ли не послѣднею вспышкой воинственнаго одушевленія магометанъ.

Указъ объ образованіи Ферганской области не опредѣляетъ въ точности земель которыя должны войти въ ея составъ. Указъ выражается такъ: „вновь занятую „Русскими войсками территорію, составлявшую до прошлаго 1875 года ханство „Коканское, включить въ границы Имперіи и образовать изъ нея область Ферганскую.“ Не извѣстно войдетъ ли въ предѣлы этой территоріи Каратегинъ. Извѣстно лишь что Каратегинскій бекъ поддерживалъ въ Коканѣ враждебнаго намъ претендента на ханскій престолъ Пулатъ-бека и вмѣстѣ съ нимъ взятъ въ плѣнъ. Территорія Каратегина имѣетъ важное значеніе; въ ней берутъ начало притоки верховьевъ Аму-Дарьи. Каратегинъ отдѣляется отъ Бадахшана небольшою областью Дарвазъ.

Ферганская область будетъ на первое время управляться на основаніи временнаго положенія, какъ вообще управляются всѣ земли присоединенныя къ Россіи со времени образованія Туркестанскаго генералъ-губернаторства: Заравшанская область, округъ Кульджи и Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Устройство прочнаго управленія этими краями становится, однако, теперь еще болѣе чѣмъ прежде дѣломъ неотложнымъ.

Присоединеніе Кокана открываетъ новые виды для нашей промышленности. Коканъ занималъ первое мѣсто въ русской торговлѣ со Среднею Азіей. Долина Ферганa чуть ли не плодороднѣе долины Заравшана; во всякомъ случаѣ, ея плодородіе менѣе зависитъ отъ случайностей. Заравшанскій край питается одной рѣкой Заравшаномъ, тогда какъ въ Ферганѣ разведены на орошеніе не только воды Сыръ-Дарьи, но и множество рѣчекъ и ручьевъ текущихъ съ горъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ западной, окаймляющихъ Фергану. Кромѣ хлѣба, шелкъ, хлопокъ, фрукты — вотъ главныя статьи торговли бывшаго Коканскаго ханства. Надо надѣяться что съ присоединеніемъ Ферганы ущербъ какой терпитъ русская казна отъ владѣнія Туркестанскимъ краемъ значительно сократится.

№ 58.

Москва, 5-го марта.

Послѣ довольно продолжительнаго перемирія, которое многими считалось предвѣстіемъ окончательнаго умиротворенія, „культурная борьба“ въ Германіи возгорѣлась съ новою силой, и если недавно оконченная сессія имперскаго сейма прошла не будучи ознаменована ни однимъ

скихъ губерній оказывается болѣе чѣмъ достаточнымъ налогъ по 10 коп., а въ остальныхъ пяти губерніяхъ даже по 5 к. съ головы; почему бы и въ тѣхъ семнадцати губерніяхъ на которыя теперь полагается распространить мѣру убиванія скота не удовольствоваться такимъ же размѣромъ налога? Чего при этомъ не достанетъ на покрытіе расходовъ по примѣненію задуманной мѣры, могла бы взять на себя казна. Приплата съ ея стороны уменьшалась бы съ году на годъ по мѣрѣ совершенствованія ветеринарной части подготовленіемъ для нея спеціалистовъ, и по мѣрѣ большей успѣшности примѣняемыхъ ими мѣръ.

Для владѣльцевъ гуртоваго скота, то-есть для скотопромышленниковъ, также желательно уменьшеніе тягостей возлагаемыхъ на нихъ проектомъ Положенія. Теперь они платятъ всего отъ 10 до 20 к. съ головы скота. Въ дополненіе къ этому сбору проектируется новый отъ 20 до 80 коп., такъ что въ общей сложности имъ придется уплачивать отъ 30 до 90 к. съ головы. Но этимъ дѣло не ограничивается. Вопервыхъ, на нихъ не легко отзовется учащенный осмотръ гуртовъ, съ неизбѣжными при немъ формальностями. Теперь этотъ осмотръ производится лишь въ 49 пунктахъ; со введеніемъ въ дѣйствіе Положенія, гурты будутъ подвергаться осмотру въ 272 пунктахъ. Вовторыхъ, не малою тягостью ляжетъ на нихъ обязательный провозъ скота по желѣзнымъ дорогамъ. Предположено законодательнымъ путемъ понизить тарифъ за провозъ гуртоваго скота по желѣзнымъ дорогамъ, какъ скоро этотъ провозъ будетъ сдѣланъ обязательнымъ, такъ чтобы maximum этого тарифа на разныхъ дорогахъ не превышалъ 1 — $1^1/_2$ коп. съ головы и версты. Но и провозъ по этому пониженному тарифу все же выше стоимости прогона по скотопрогоннымъ трактамъ въ такой мѣрѣ что вслѣдствіе одного этого обстоятельства стоимость мяса, съ отмѣной слѣдованія скота по скотопрогоннымъ трактамъ, должна будетъ подняться на 20 коп. въ пудѣ. А къ этому должно еще присоединить потерю въ вѣсѣ скота при провозѣ его по желѣзнымъ дорогамъ. Проектируемыя правила о желѣзнодорожныхъ приспособленіяхъ къ перевозкѣ скота, правда, гарантируютъ скотъ отъ изнуренія; они обезпечиваютъ ему и достаточный притокъ воздуха, и водопой, и необходимый отдыхъ, и возможно непродолжительное нахожденіе въ пути; но составители этихъ правилъ, тѣмъ не менѣе, сами не находятъ возможнымъ льстить себя надеждой чтобы скотъ сталъ ѣсть кормъ во время передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ,—а при такомъ условіи потеря въ вѣсѣ скота неизбѣжна. Все это должно лечь на скотопромышленниковъ и отозваться чувствительнымъ вздорожаніемъ мяса на его потребителяхъ. Нельзя не пожелать, въ виду этого, чтобъ установленіе столь необходимой мѣры какъ обязательный провозъ скота по желѣзнымъ дорогамъ былъ обусловленъ возможно бо́льшимъ пониженіемъ тарифа за этотъ провозъ и возможно меньшими уступками нежеланію желѣзнодорожныхъ управленій допускать серіозное пониженіе этого тарифа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не видимъ вполнѣ справедливаго основанія къ отнесенію на гуртовщиковъ всѣхъ расходовъ по содержанію ветеринарно-полицейскаго надзора на всѣхъ скотопрогонныхъ трактахъ и желѣзныхъ дорогахъ. Эти расходы должны поглотить до послѣдней копѣйки весь полумилліонный сборъ со владѣльцевъ гуртоваго скота. Между тѣмъ всѣ ветеринарно-полицейскія мѣры по отношенію къ этому скоту установляются вовсе не въ спеціальныхъ интересахъ скотопромышленниковъ. На необходимое же имъ исправленіе скотопрогонныхъ трактовъ, находящихся въ возмущающемъ душу положеніи, изо всего предполагаемаго съ гуртоваго скота сбора не остается ни копѣйки. На этотъ предметъ предполагается, правда, удѣлять кое-что изъ постороннихъ источниковъ: изъ проектируемыхъ сбора съ чумацкаго скота и налога на провозимыя по внутреннимъ путямъ сообщенія сырыя кожи. Но первый изъ этихъ сборовъ, въ случаѣ подрыва чумацкаго промысла Севастопольскою дорогой, можетъ не дать и половины того что отъ него ожидаютъ, а налогъ съ сырыхъ кожъ едва ли можетъ быть одобренъ съ точки зрѣнія правильной финансовой политики.

№ 79.

Москва, 27-го марта.

Присоединеніе Кокана, какъ извѣстно, не возбудило въ Англіи такой тревоги ка-

кая недавно еще бывало поднималась при малѣйшемъ дѣйствіи предпринимаемомъ Россіей въ Средней Азіи. Отчасти это можетъ быть объясняется тѣмъ что наша новая Ферганская область далеко отъ границъ Индіи чѣмъ всѣ другія занятыя нами страны; но, помимо этого, мы не могли не замѣтить что въ послѣднее время англійская печать стала обнаруживать болѣе трезвый и безпристрастный взглядъ въ своихъ сужденіяхъ не только по этому вопросу, но и вообще о русской политикѣ. Было бы весьма жаль еслибъ это болѣе спокойное и достойное отношеніе къ предмету вновь уступило мѣсто задорнымъ вызовамъ и лживымъ изобличеніямъ обращеннымъ къ нашему отечеству, которыя, подъ предлогомъ раздутаго общественнаго мнѣнія, служили для британскихъ политиковъ поводомъ обращаться къ Россіи съ самыми безцеремонными запросами. Если Англія не имѣетъ для этого въ настоящее время ни малѣйшаго повода, то точно также она не имѣла и прежде никакого законнаго повода и права обращаться къ намъ, а потому, помня исторію ея прежнихъ попытокъ внести европейскую дипломатію въ азіятскія степи и требовать охраны международныхъ принциповъ для кочевыхъ хищниковъ тревожащихъ наши предѣлы, мы не можемъ не быть чутки къ малѣйшимъ признакамъ притворной тревоги появляющимся въ англійскихъ газетахъ. Мы смѣло можемъ теперь сказать: „притворной тревоги,“ потому что, послѣ всѣхъ тѣхъ обстоятельныхъ доводовъ въ англійскихъ же газетахъ, на которые мы съ удовольствіемъ обращали вниманіе нашихъ читателей, о неизбѣжности покоренія Россіей среднеазіятскихъ владѣній и о томъ что Англія не имѣетъ ни повода, ни права тревожиться этимъ, нельзя же думать чтобъ англійскіе публицисты сознательно отрекались отъ того что говорили недавно сами.

Насъ приводитъ въ удивленіе одна статья въ профессіональной *Army and Navy Gazette*, которая вовсе не есть одинъ изъ органовъ общественнаго мнѣнія, а есть газета по значенію нѣсколько схожая съ нашимъ *Инвалидомъ*. Хотя эта газета не есть официальный органъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, но ея извѣстіямъ обо всемъ что касается англійской арміи и англійскаго военнаго вѣдомства придается значеніе. Тѣмъ страннѣе встрѣтить въ такой газетѣ непріязненныя сужденія о Россіи, притомъ по поводу извѣстія вовсе не дающаго къ тому повода. Дѣло вотъ въ чемъ. Названная газета извѣщаетъ о возвращеніи къ своимъ полковымъ обязанностямъ гвардейскаго капитана Барнеби „послѣ интересной поѣздки въ Среднюю Азію, гдѣ онъ посѣтилъ Хивинскаго хана.“ Извѣстіе это сообщается со слѣдующими весьма интересными подробностями.

„Поѣздка капитана Барнеби,“ читаемъ въ англійской газетѣ, „тѣмъ замѣчательнѣе что, сколько мы полагаемъ, за исключеніемъ капитана Аббота и Шакспира, которые были отправлены изъ Индіи съ дипломатическимъ порученіемъ по дѣлу нынѣшняго хана, ни одинъ Англичанинъ никогда не бывалъ въ стѣнахъ этого города. Одинъ инженерный офицеръ былъ посланъ прошедшимъ лѣтомъ съ научною экспедиціей въ Среднюю Азію. Онъ сдѣлалъ обзоръ части Окса отъ Аральскаго моря до одного пункта на линіи съ Петро-Александровскомъ, русскимъ фортомъ въ Хивинской территоріи, но Русскіе не позволяли ему идти далѣе какъ за 50 миль отъ столицы. Капитана Барнеби также, говорятъ, не допустили бы туда еслибъ онъ, измѣнивъ свой путь въ послѣднюю минуту, не обманулъ Русскихъ, и такимъ образомъ онъ пробылъ четыре дня въ Хивѣ и былъ допущенъ два раза на частныя аудіенціи къ хану прежде чѣмъ Русскіе узнали о его присутствіи въ городѣ. Тогда ему послали депешу отъ нашихъ военныхъ властей въ Англіи, которыя, подъ вліяніемъ сильнаго дипломатическаго дѣйствія произведеннаго графомъ Шуваловымъ, были убѣждены предписать капитану Барнеби немедленно возвратиться.“

Казалось бы во всемъ этомъ разказѣ фактическая сторона не только не даетъ повода Англичанамъ жаловаться на русскія власти, но, напротивъ, должна бы нравиться имъ. Разказъ этотъ содержитъ чрезвычайно интересныя новости. Между тѣмъ какъ мы сами не рѣшаемся переступать на лѣвый берегъ Аму-Дарьи, гдѣ, какъ доказано произведенными изслѣдованіями, находится ключъ къ прочному установленію нашего положенія въ этой части Средней Азіи (здѣсь Аму сдѣлала поворотъ отъ Каспія къ Аралу и вопросъ о возстановленіи стараго тока ея не можетъ быть рѣшенъ безъ изслѣдованія лѣваго берега Аму), англійскіе инженерные и гвардейскіе

офицеры, состоящіе на дѣйствительной службѣ и неизвѣстно зачѣмъ отлучающіеся отъ своихъ занятій рыскать по невѣдомымъ странамъ, не только разъѣзжаютъ и дѣлаютъ топографическіе обзоры на всемъ пространствѣ края въ предѣлахъ занятыхъ русскими войсками, но допускаются и на лѣвый берегъ Аму-Дарьи, куда не могутъ переправляться и русскіе офицеры, и тамъ изслѣдуютъ рѣку и мѣстность на разстояніи 50 миль отъ Хивы! Послѣ этого странно было бы претендовать что эти англійскіе офицеры не пускаются въ самую Хиву когда туда не пускаются и наши офицеры. Пограничныя власти въ краѣ легко волнуемомъ самыми несообразными слухами, въ краѣ съ населеніемъ дикимъ и фанатическимъ, гдѣ притомъ такъ недавно еще водворено уваженіе къ русской власти, обязаны быть особенно бдительны, и Англичанамъ, которые въ своихъ дѣлахъ не допускаютъ ничьихъ совѣтовъ и указаній, это лучше чѣмъ намъ извѣстно. Не допустили же въ прошедшемъ году англійскія власти въ Индіи русскаго путешественника, г. Пашино, проникнуть изъ Пешавера въ Афганистанъ, хотя онъ былъ не болѣе какъ туристъ не состоявшій ни на чьей службѣ. Почему же русскимъ властямъ въ Хивинскихъ степяхъ быть менѣе осмотрительными и смотрѣть сквозь пальцы какъ англійскіе офицеры будутъ ѣздить изъ Лондона, черезъ русскія владѣнія, на приватныя аудіенціи къ хану Хивинскому, еще такъ недавно намъ враждебному? Изъ самого разказа англійской газеты видно что Русское правительство во всякомъ случаѣ имѣло весьма серіозныя основанія не допускать этого, ибо оно прямо обратилось черезъ своего посла къ Англійскому правительству, и конечно доводы его были вполнѣ убѣдительны если военное начальство въ Лондонѣ *немедленно* предписало капитану Барнеби вернуться.

Такое естественное заключеніе вполнѣ подтверждается для насъ дальнѣйшими разсужденіями англійской военной газеты по поводу поѣздки капитана Барнеби которыя очевидно внушены привезенными имъ разказами. Изъ этихъ разсужденій, столь несправедливыхъ къ намъ, какихъ мы давно не встрѣчали въ англійской печати, ясно видно что англійскій гвардеецъ пробивался на аудіенцію къ хану въ видахъ намъ вовсе не благопріятныхъ. По поводу его поѣздки, *Army and Navy Gazette* доказываетъ что Русскіе потому будто бы не пускаютъ Англичанъ путешествовать между своими владѣніями и Индіей что желаютъ выставлять Туркменъ въ самомъ черномъ цвѣтѣ чтобы имѣть потомъ предлогъ къ присоединенію Мерви. Такъ, будто бы Русскіе разказываютъ что Туркмены держатъ въ плѣну одного русскаго солдата, между тѣмъ какъ, по словамъ туземцевъ, этотъ солдатъ, которому гораздо лучше у нихъ чѣмъ въ своемъ полку, самъ де не хочетъ вернуться. А еслибъ онъ и взаправду былъ въ плѣну, то Туркмены имѣли бы полное оправданіе къ тому, потому что *недавно* двое изъ нихъ были схвачены Русскими, преданы военному суду и разстрѣляны; а между тѣмъ „такъ-называемый русскій плѣнный“ не былъ ни судимъ, ни разстрѣлянъ, „хотя Туркмены имѣли бы полное право это сдѣлать, принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства.“ Точно также и Хивинцы выставлялись Русскими какъ разбойники и грабители, „а между тѣмъ оказывается что это весьма спокойная, мирная нація, живущая земледѣліемъ и вовсе не имѣющая тѣхъ воинственныхъ привычекъ что приписывались ей Русскими.“ Послѣ этихъ изобличеній читаемъ слѣдующее заключеніе: „Дѣла принимаютъ для насъ весьма „серіозный оборотъ на Востокѣ. Хива и „Коканъ пали; Кашгаръ, Бухара и Мервь „быстро послѣдуютъ другъ за другомъ если „наши нынѣшніе правители не будутъ имѣть „достаточно рѣшимости чтобы воспроти„виться этимъ быстрымъ захватамъ на на„шей границѣ.“ Наконецъ, въ подтвержденіе всей этой аргументаціи, приводится выписка изъ книги г. Терентьева объ Англіи и Россіи въ Азіи, замѣчаніе что „хотя Россія въ своихъ завоеваніяхъ и не помышляла объ Индіи, но это не значитъ чтобы въ случаѣ войны съ Англіей близкое сосѣдство съ Индіей не могло не играть важной роли.“ Въ добавокъ ко всему присовокупляется что русскіе газеты въ послѣднее время были особенно враждебны къ Англіи, что тѣмъ де знаменательнѣе что „въ Россіи существуетъ строжайшая цензура печати.“

Выводъ изъ всего этого дѣлается тотъ что жестоко де ошибаются тѣ кто спокойно ожидаетъ соприкосновенія обѣихъ имперій въ Азіи. И ради этого вывода забывается что англійскій гвардеецъ, хотя

долженъ былъ прибѣгнуть къ обману чтобы проникнуть въ Хиву, все-таки пробрался туда *черезъ русскія владѣнія*, видѣлся зачѣмъ-то въ Хивѣ съ ханомъ и вернулся оттуда цѣлъ и невредимъ, тогда какъ прежде посланные *изъ Индіи съ порученіемъ къ хану* Англичане Абботъ и Шакспиръ держались ханомъ въ заключеніи, изъ коего бѣжали съ опасностью жизни къ Русскимъ; упускается изъ виду и то что другому англійскому офицеру, инженеру, дозволялось свободно производить обмѣры на самой нашей хивинской границѣ, чего, конечно, русскія власти имѣли бы полное право не дозволить.

Мы готовы были бы оставить безъ вниманія выходку англійской военной газеты еслибы не замѣтили въ ней одного признака весьма тревожнаго. Мы не говоримъ о камнѣ брошенномъ въ огородъ русской цензуры. Эти толки объ официальномъ значеніи политическихъ сужденій въ русскихъ газетахъ намъ давно прискучили, и нельзя думать чтобъ имъ вѣрили и сами тѣ кто ихъ постоянно повторяютъ. Къ тому же упрекъ будто русская печать въ послѣднее время относилась враждебно къ Англіи лишенъ основанія. Что касается книги г. Терентьева, то авторъ ея дѣйствительно не дружелюбно относится къ Англіи, но что же значитъ его произведеніе въ сравненіи съ безчисленнымъ множествомъ враждебныхъ намъ брошюръ и книгъ наполняющихъ англійскую литературу? въ въ сравненіи съ тѣмъ, напримѣръ, что писалъ почтенный президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, генералъ-майоръ и бывшій дипломатъ, сэръ-Генри Роулинсонъ? Въ фактахъ же приводимыхъ о Хивинцахъ и Туркменахъ, повидимому, со словъ капитана Барнеби, нѣтъ и тѣни правды. Содержаніе Туркменами въ плѣну въ Мерви русскаго солдата положительно доказано, и конечно онъ томится у Текинцевъ съ 1873 года не въ возмездіе за двухъ Іомутовъ которые много времени спустя разстрѣляны за измѣну. Текинцы и Іомуты постоянно враждуютъ и воюютъ между собою. Но мы недоумѣваемъ что означаетъ слѣдующее за этимъ извращеніемъ фактовъ и печалованіемъ о кочевыхъ хищникахъ приглашеніе къ англійскимъ правителямъ показать достаточную рѣшимость чтобы воспротивиться русскимъ захватамъ? Не то ли же это самое что высказанное въ Лондонскомъ Географическомъ Обществѣ сэръ-Генри Роулинсономъ, какъ сообщалъ *Geographical Magazine*, патріотическое приглашеніе къ своимъ соотечественникамъ преградить русскимъ войскамъ *дипломатическимъ дѣйствіемъ* дорогу не только къ Герату, но и къ Мерви? Но, вопервыхъ, ни Мервь, ни Хива, ни Коканъ, а также ни Бухара, ни Кашгаръ вовсе не на границѣ Индіи. Вовторыхъ, невозможно допустить возобновленіе прежней дипломатической игры, которая могла бы только усложнять и путать наши международныя отношенія къ Англіи. Долженъ же быть положенъ конецъ непостижимымъ призывамъ Россіи къ отвѣту по дѣламъ ея одной касающимся. Дипломатическіе переговоры Россіи съ Англіей по Средней Азіи окончены навсегда, и новаго повода къ нимъ быть не можетъ. Англія можетъ сама что угодно предпринимать для своего успокоенія въ Индіи и Афганистанѣ, но она не въ правѣ диктовать Россіи какъ она должна относиться къ своимъ непокойнымъ сосѣдямъ, и всякая новая попытка въ такомъ смыслѣ, конечно, встрѣтитъ энергическій отпоръ.

Мы потому еще считаемъ своевременнымъ заявить этотъ протестъ по поводу замѣченныхъ нами признаковъ что 28 апрѣля г. Белли Кокренъ готовится позвать Россію къ суду англійской Палаты Общинъ за присоединеніе Кокана.

№ 81.

Москва, 29-го марта.

Не можетъ быть вопроса касательно необходимости мѣръ къ возможно лучшему обезпеченію страны отъ такого бѣдствія какъ падежи скота. Но едва ли гдѣ необходимость эта такъ настоятельна какъ въ Россіи. Съ каждымъ годомъ это бѣдствіе, подрывающее благосостояніе жителей часто разомъ въ цѣлыхъ обширныхъ мѣстностяхъ, принимаетъ у насъ все болѣе грозный характеръ. Самая опустошительная изъ повальныхъ болѣзней крупнаго рогатаго скота, извѣстная подъ названіемъ чумы, въ прежнее время появлялась у насъ лишь изрѣдка, періодически поражая лишь нѣкоторыя мѣстности; въ послѣднее десятилѣтіе, какъ свидѣтельствуютъ официальныя данныя, чума приняла характеръ непрерывнаго падежа ис-

высока подобная такса для товаровъ провозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ обязательно? Для скота, конечно, большая честь значиться въ первомъ разрядѣ, но торговцы скотомъ и потребители мяса, безъ сомнѣнія, были бы очень благодарны еслибъ оказалась возможность перевести скотъ въ менѣе почетный изъ пяти или болѣе разрядовъ желѣзнодорожной тарифной градаціи. А такой переводъ, при узаконеніи мѣры которая должна доставить желѣзнымъ дорогамъ массу грузовъ коихъ они доселѣ не имѣли, какъ можно полагать, не нарушилъ бы ихъ интересовъ.

№ 101.

Москва, 24-го апрѣля.

Сегодня нами получены весьма интересныя телеграммы изъ Лондона. Давно возвѣщенное предложеніе г. Кокрэна, приглашавшее британскую Палату Общинъ обратить вниманіе на присоединеніе къ Россіи Кокана и требовавшее представленія относящейся къ этому вопросу корреспонденціи, наконецъ, состоялось и вызвало такое заявленіе главы Британскаго кабинета какого намъ доселѣ еще ни разу не приходилось слышать отъ англійскаго министра. Мы не знаемъ еще самыхъ преній по поводу этого предложенія, и дѣйствительно ли г. Кокрэнъ желалъ какъ бы призвать Россію къ отвѣту за ея дѣйствія въ Средней Азіи, или намѣренъ былъ только пригласить свое собственное правительство къ принятію какихъ-либо мѣръ въ виду расширенія русскихъ предѣловъ въ Азіи. Телеграмма сообщаетъ только что многіе ораторы говорили за, и многіе противъ дѣятельной политики въ виду русскихъ пріобрѣтеній. Если рѣчь шла только объ англійской политикѣ, о дѣйствіяхъ самой Англіи къ коимъ хотѣли побудить ея правительство говорившіе ораторы, то въ этомъ конечно мы не могли бы видѣть ничего такого что могло бы смутить добрыя отношенія обѣихъ странъ. Для насъ и прежде, во всѣхъ такихъ пререканіяхъ, представлялись недопустимыми въ отношеніи Россіи, и въ то же время недостойными самой Англіи, лишь притязанія будто она для своего спокойствія въ правѣ, и даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ заклятыхъ руссофобовъ, обязана предписать Россіи извѣстные, избранные самою Англіей, предѣлы, или, по крайней мѣрѣ, потребовать отъ Россіи чтобъ она сама добровольно ограничила свою свободу дѣйствій ради сохраненія дружественныхъ отношеній къ Англіи. Только противъ этихъ притязаній мы всегда протестовали, и болѣе всего по причинѣ нашего глубокаго убѣжденія что они не могли привести ни къ чему доброму. Подобныя объясненія между великими державами просто невозможны, и потому, при всемъ желаніи правительствъ поддерживать добрыя отношенія, на почвѣ подобныхъ переговоровъ сами собой могли постоянно рождаться новые поводы къ недоразумѣніямъ. Такова и была исторія слабыхъ попытокъ дѣлавшихся не разъ англійскими министрами въ угоду извѣстнымъ крикамъ объ аггресивности Россіи, ловко раздуваемымъ до того что они казались будто выраженіемъ встревоженнаго общественнаго мнѣнія. Мы никогда не вѣрили въ искренность этой тревоги, и какъ оказывается, основательно, ибо мы дождались теперь того что она отвергается въ самой Англіи какъ мысль оскорбительная для ея могущества. Тѣмъ не менѣе, и тѣ дипломатическія попытки какія дѣлались прежде вредно вліяли на взаимныя сношенія: въ глазахъ неисправимыхъ алармистовъ онѣ были слишкомъ слабы и робки, а въ отношеніи къ Россіи онѣ все-таки, по существу своему, шли далѣе обычныхъ между великими державами сношеній. Россія, въ силу самихъ вещей, не могла, еслибы даже захотѣла, успокоить Англію въ отношеніи Средней Азіи такъ какъ того желали бы наиболѣе рьяные Англичане. Событія шли своею чередой намѣчаемою исторіей и закономъ необходимости. Какъ Россія подвигалась въ тѣхъ краяхъ не изъ вражды къ Англіи, такъ она и не могла остановиться ей въ угоду. Ея движенія и остановки направлялись и направляются иными побужденіями, иными причинами. Но потому именно съ каждымъ новымъ шагомъ Россіи порождались новыя неудовольствія, разгаралась вновь раздражительная полемика.

Въ послѣдніе два года, однако, постепенно стала обнаруживаться перемѣна въ благопріятномъ смыслѣ. Можетъ-быть именно вслѣдствіе неудовлетворительности упомянутыхъ попытокъ серіозные англійскіе политики пожелали взглянуть на предметъ съ другой стороны, и тогда навѣянный туманъ сталъ проясняться съ неожи-

данною легкостью. Сами англійскіе публицисты стали доказывать что Англія такъ сильна въ Индіи что ей нечего опасаться Россіи, а если нѣкоторые пункты англійской позиціи требуютъ усиленія, то слѣдуетъ де за нихъ приняться самимъ Англичанамъ, не ожидая отъ Россіи великодушія. На эту тему намъ не было и нѣтъ повода вступать въ споръ. Отсюда уже не трудно было сдѣлать еще одинъ шагъ который теперь и сдѣланъ британскимъ премьеромъ. Отнынѣ можно считать дипломатическія пререканія между обѣими странами по среднеазіятскому вопросу законченными, и къ чести Англіи, это заключеніе послѣдовало не какъ отпоръ со стороны Россіи на новое притязаніе, а по мудрой воздержности самого Великобританскаго правительства. Откровенное и мужественное заявленіе г. Дизраэли вновь ставитъ обѣ державы въ такое взаимное положеніе которое наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ достоинству и величію, а также интересамъ каждой изъ нихъ. Онъ говоритъ что не боится Россіи которая также поняла его послѣднее заявленіе не въ смыслѣ угрозы. Онъ намекаетъ при этомъ на доводъ высказанный имъ въ преніяхъ о титулѣ императрицы Индіи, присоединенномъ къ титулу королевы Викторіи, когда онъ объяснялъ важное значеніе новаго титула необходимостью возвысить *prestige* Англіи вслѣдствіе того что теперь населенія Азіи узнали о другой могущественной державѣ. Какъ читатели могутъ припомнить, это заявленіе было понято нами также какъ толкуетъ его г. Дизраэли. Далѣе онъ сказалъ что Россія знаетъ о твердомъ намѣреніи Англіи поддержать свою Индійскую имперію и вліяніе на Востокѣ и не считаетъ этого намѣренія непримиримымъ съ добрымъ согласіемъ обѣихъ странъ; но особенно обращаютъ на себя вниманіе его слова: „Завоеванія Россіи въ Средней Азіи также „выгодны для тамошняго населенія какъ и „завоеванія Англіи въ Индіи для населенія „этой послѣдней. Россія имѣетъ столько же „права на завоеванія въ Азіи какъ и Ан„глія на завоеванія въ Индіи.“ Эти слова не болѣе какъ истина. Мы говорили это давно; потомъ то же стали доказывать и многія англійскія газеты. Нужно было только политическое мужество прямо сказать правду отъ имени правительства, но разъ это сдѣлано и возраженій какъ не бывало, и г. Кокрэнъ беретъ назадъ свое предложеніе.

Заявленіе британскаго премьера важно еще въ другомъ отношеніи. Въ послѣднее время иные указывали что если для столкновенія между Англіей и Россіей въ Азіи не имѣется прямого повода, оно все-таки можетъ де случиться при ихъ разногласіи въ европейскихъ дѣлахъ. Не говоримъ объ основательности этого мнѣнія; во всякомъ случаѣ враждебныя дѣйствія обѣихъ державъ въ Азіи были бы слишкомъ отдаленны и затруднительны чтобъ ими рѣшать разногласія по вопросамъ европейской политики. Но и допуская даже возможность такой мысли, мы изъ заявленія г. Дизраэли должны будемъ заключить что между политикой Россіи и Англіи нѣтъ теперь никакого разногласія и въ Европѣ. Дѣйствительно, онъ возвѣщаетъ что „доброе согласіе обѣихъ странъ никогда не было лучше чѣмъ теперь.“ Мы привѣтствуемъ это заявленіе тѣмъ радостнѣе что на дняхъ еще носились самыя тревожныя опасенія на счетъ оборота дѣлъ на Востокѣ, и наши недоброжелатели старались пользоваться этими слухами для новыхъ нареканій на русскую политику Вопреки, однако, всему что говорилось о тайныхъ видахъ Россіи, извѣстно что какъ русскій, такъ и англійскій посолъ въ Константинополѣ освѣдомлялись по поводу слуховъ о намѣреніи Порты объявить войну Черногоріи, и султанъ обоимъ посламъ далъ успокоительныя увѣренія. Поэтому, конечно, британскій премьеръ могъ заявить, въ отвѣтъ на сдѣланный запросъ въ томъ же вчерашнемъ засѣданіи, что Порта положительно отрицаетъ приписываемое ей намѣреніе занять Черногорію.

Никогда общее согласіе и взаимное довѣріе великихъ державъ не были такъ важны для европейскаго мира и для каждой изъ нихъ какъ въ настоящую минуту. Затрудненія на Востокѣ далеко еще не улажены. Въ Герцеговинѣ все еще льется кровь. Въ Бѣлградѣ и Букурештѣ одновременно происходятъ смѣны министерствъ, значеніе коихъ для насъ еще не ясно. Но нѣтъ серіозной причины терять упованіе что всѣ сіи затрудненія, сколь бы ни были они велики, могутъ уладиться безъ потрясеній, пока между великими державами пребываютъ теперешнія довѣрчивыя отношенія, а въ этомъ общемъ согласіи державъ взаимное довѣріе Россіи и Англіи есть важнѣйшій факторъ.

селѣ въ сѣверо-западномъ краѣ стремленіяхъ къ обособленію, всего лучше будетъ если устройство судебныхъ учрежденій въ немъ поведетъ къ сліянію его съ чисторусскими губерніями чрезъ открытіе судебной палаты въ Смоленскѣ. Устройствомъ сѣверо-западнаго судебнаго центра въ Смоленскѣ было бы обезпечено наилучшее отправленіе правосудія и были бы удовлетворены требованія государственной пользы.

№ 108.

Москва, 1-го мая.

Съ недѣлю тому назадъ телеграфъ сообщилъ намъ замѣчательное заявленіе британскаго перваго министра въ Палатѣ Общинъ, при возбужденныхъ г. Кокреномъ преніяхъ по поводу присоединенія Кокана къ Россіи. Мы тогда же замѣтили что откровенная и правдивая рѣчь г. Дизраэли вновь ставитъ обѣ державы во взаимное положеніе соотвѣтствующее ихъ достоинству и величію, а также интересамъ каждой изъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда глава Британскаго кабинета открыто говоритъ что его „не тревожитъ развитіе русскаго могущества въ Средней Азіи, что онъ не видитъ причины почему Россіи не дѣлать завоеваній въ тѣхъ краяхъ подобно Англіи •которая завоевала Индію, и что онъ желаетъ только чтобы населенія Татаріи пріобрѣли такія же блага отъ завоеванія ихъ Россіей какія пріобрѣли населенія Индіи отъ завоеванія ихъ Англіей; то этими словами онъ косвенно осуждаетъ всѣ прежнія дипломатическія попытки исходившія изъ той точки зрѣнія будто Англія имѣетъ *право* требовать, когда ей вздумается, отъ Россіи объясненія ея дѣйствій и предписывать имъ извѣстныя границы. Какъ уже было сообщено и въ телеграфномъ изложеніи рѣчи г. Дизраэли, онъ осуждалъ политику „подозрительности, которая злобствуетъ и ворчитъ не приступая къ дѣйствіямъ,“ и предпочитаетъ ей откровенную политику, болѣе способную къ поддержанію добраго согласія. Г. Дизраэли заявляетъ что онъ не принадлежитъ къ той школѣ которая смотритъ на движеніе Россіи въ Азіи съ тяжелымъ предчувствіемъ; онъ всегда полагалъ что въ Азіи достаточно мѣста и для Россіи, и для Англіи. Россіи эти взгляды вполнѣ де извѣстны, а также и то что Англія твердо намѣрена поддерживать и укрѣплять свою Индійскую имперію и отстаивать свое вліяніе на Востокѣ, и Русское правительство, зная эти взгляды, находитъ ихъ вполнѣ совмѣстными съ дружелюбными отношеніями между обѣими странами.

Когда это заявленіе г. Дизраэли было намъ передано по телеграфу, мы тотчасъ же привѣтствовали его какъ рѣшительное отреченіе отъ прежнихъ притязаній англійской политики въ отношеніи къ Россіи, порождавшихъ только недоразумѣнія между обоими правительствами. Прекратить ихъ всегда зависѣло отъ самой Англіи: стоило только ея правительству принять здравомысленный взглядъ высказанный ея первымъ министромъ. Результатъ его откровенной политики, по его словамъ, есть тотъ что никогда еще доброе согласіе между обѣими державами не было такъ надежно какъ въ настоящую минуту, и отсюда мы въ правѣ были заключить что всякія объясненія между ними по среднеазіятскимъ дѣламъ можно считать навсегда покончеными.

Послѣ того мы познакомились изъ англійскихъ газетъ съ полнымъ текстомъ рѣчи г. Дизраэли, приведеннымъ почти вполнѣ во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты. Рѣчь эта, выражая политику нынѣшняго Англійскаго кабинета, высказываетъ касательно всѣхъ прежнихъ объясненій и переговоровъ взглядъ замѣчательно тождественный съ тѣмъ на чемъ мы настаивали во время самихъ переговоровъ.

Предметъ этотъ, дѣйствительно, не мѣшало разъяснить если желательно сохраненіе непринужденно - добрыхъ отношеній между Англіей и Россіей. Въ Англіи до сихъ поръ многіе оставались въ убѣжденіи что переговоры о средне - азіятскихъ дѣлахъ имѣли результатомъ какой-то уговоръ между обѣими странами, нѣкоторыя *quasi* обязательства данныя Россіей. Но мы никогда не могли понять въ чемъ могъ быть уговоръ и положительно отвергли всякаго рода обязательства. Дипломатическіе документы, относящіеся къ вопросу, были въ свое время обнародованы, и на основаніи ихъ рѣшительно нельзя было придти ни къ какому подобному заключенію. Въ началѣ, какъ извѣстно, зашла рѣчь объ установленіи какого-то нейтральнаго пояса между азіятскими владѣніями

обѣихъ державъ. Эта мысль была совершенно непостижима. Возможно ли было приравнивать Афганистанъ къ Бельгіи и примѣнять европейское международное право, съ его понятіемъ о нейтральности, къ дикимъ племенамъ не знающимъ другой узды кромѣ силы? Неосуществимость этого плана вскорѣ поняли и въ Англіи, и вотъ вмѣсто того повели рѣчь „о разграниченіи сферъ вліянія.“ Серіозно толковали въ депешахъ о точномъ обозначеніи „границъ“ этого вліянія; но когда пришлось разъяснить этотъ новый туманный принципъ, то онъ оказался еще хуже „нейтральнаго пояса.“ Никто не могъ понять что̀ этимъ означается. Можно было заключить что обѣ державы обязались обуздывать среднеазіятскія племена каждая до извѣстной границы. Но когда на это мнѣніе было обращено вниманіе въ парламентѣ, то тогдашній премьеръ, г. Гладстонъ, положительно отрекся отъ всякаго со стороны Англіи въ этомъ отношеніи обязательства. А такъ какъ всякое соглашеніе предполагаетъ взаимность, то значитъ и со стороны Россіи не могло быть никакого обязательства. Еще менѣе могла быть рѣчь о какомъ-либо обязательствѣ относительно Хивы, ибо здѣсь уже вовсе не могло быть никакой взаимности. Все дѣло было, какъ извѣстно, въ томъ что во время Хивинской экспедиціи, со стороны Россіи, было сдѣлано откровенное заявленіе своихъ намѣреній которыя она вовсе не имѣла надобности скрывать и которыя ни въ чемъ существенномъ не измѣнились послѣ приведенія хана къ покорности.

Но съ этимъ простымъ взглядомъ на вещи долгое время никакъ не хотѣли согласиться въ Англіи, и въ самомъ фактѣ переговоровъ Англичане искали повода постоянно обвинять Россію въ „неуваженіи къ международнымъ конвенціямъ,“ „въ нарушеніи торжественно данныхъ обязательствъ,“ когда въ сущности никакихъ обязательствъ и конвенцій вовсе не было. Вотъ какъ теперь говоритъ объ этомъ британскій премьеръ:

„Намъ говорятъ что мы должны бы войти въ какое-либо *соглашеніе* съ Россіей. Это весьма неясное слово, и я не знаю чтобы наши *соглашенія* съ Россіей, которыя иногда предполагались заключенными, были когда-либо вполнѣ осуществлены. Мой досточтимый другъ (г. Кокренъ) повидимому полагаетъ что планъ нейтральнаго пояса былъ приведенъ въ исполненіе и утвержденъ Россіей и Великобританіей. Но дѣло въ томъ что нейтральный поясъ былъ только измышленіемъ, нашедшимъ себѣ мѣсто въ дипломатической депешѣ. Онъ никогда не былъ принятъ ни на какой конференціи или конгрессѣ и никогда не былъ выраженъ ни въ какомъ протоколѣ или трактатѣ. Мнѣніе будто Великобританія и Россія согласились установить нейтральный поясъ между своими владѣніями, и будто Россія все время систематически нарушала условленный нейтральный поясъ, есть одно изъ тѣхъ заблужденій которыя весьма трудно пресѣчь когда они овладѣваютъ общественнымъ мнѣніемъ. Фактъ есть тотъ что никакой нейтральный поясъ не былъ условленъ государственными людьми обѣихъ державъ. Что же касается соглашеній, то было таковое о Хивѣ; но всѣ мы должны сознаться что это было самое несчастное соглашеніе, потому что не было двухъ людей согласныхъ въ томъ что оно значило. (*Смѣхъ.*) Поэтому я далекъ и отъ желанія вступать въ какіе-либо уговоры съ Россіей чтобъ отвратить тѣ опасенія о коихъ мы такъ много слышимъ.“

Итакъ, нынѣ самъ глава англійскаго кабинета открыто повторяетъ наше всегдашнее мнѣніе что между Россіей и Англіей не желательны никакія соглашенія и обязательства относительно Средней Азіи, что таковыхъ нѣтъ и быть не можетъ. Заявленіе это тѣмъ болѣе замѣчательно что оно было отвѣтомъ на рѣчь г. Кокрена который, въ подтвержденіе своихъ доводовъ, приводилъ многія выдержки изъ депешъ 1869 года покойнаго лорда Кларендона. Въ то время англійскіе министры постоянно оправдывали свои придирчивыя обращенія къ Россіи тѣмъ что ея завоеванія въ Средней Азіи возбуждаютъ тревогу въ общественномъ мнѣніи Англіи и Индіи, и потому, ради сохраненія добрыхъ отношеній, убѣждали наше правительство успокоить эту тревогу. Что касается безпокойства въ Индіи, то теперь въ Палатѣ Общинъ присутствуетъ бывшій губернаторъ Бенгала сэръ-Джорджъ Кампбеллъ, который положительно удостовѣряетъ что въ Индіи населенія вовсе не тревожатся движеніемъ Россіи, что для нихъ Среднеазіятскій вопросъ не имѣетъ никакого зна-

ченія, и если тамъ знаютъ о немъ что-нибудь, то единственно изъ англійскихъ же газетъ. Безпокойство въ самой Англіи, какъ мы очень хорошо знали, было столь же призрачно и поддерживалось только для того чтобы правительству былъ предлогъ для своихъ притязаній. Оно и тогда выражалось не сильнѣе чѣмъ теперь въ рѣчахъ г. Кокрена и единомышленныхъ съ нимъ ораторовъ. „Великая пустыня, говоритъ г. Кокренъ, прежде отдѣлявшая Россію отъ нашихъ индійскихъ владѣній, была для насъ величайшею охраной; она была тѣмъ же что̀ Ламаншскій каналъ между Англіей и материкомъ.“ Ему и его школѣ не нравится просто приближеніе Россіи къ индійской границѣ потому что, даже не говоря о попыткѣ Россіи на завоеваніе Индіи, самъ по себѣ фактъ близкаго сосѣдства Россіи, въ случаѣ европейской войны, вынудитъ Англію на большое напряженіе силъ.“ Итакъ, по этому взгляду, Англія въ правѣ требовать отъ насъ чтобы мы озаботились о ея комфортѣ. Но для комфорта Англіи можетъ-быть понадобится чтобы Россія вовсе не существовала. Можно ли толково разсуждать съ подобными господами требующими пустынь для спокойствія Англіи? А между тѣмъ именно для успокоенія этой выдуманной тревоги и заводились дипломатическія бесѣды о „неприкосновенности пустынь.“ Теперь, наконецъ, въ Англіи поняли всю безполезность этой недостойной игры и весь вредъ отъ нея для добраго согласія между обѣими странами, весьма важнаго для ихъ европейскихъ дѣлъ.

Когда дѣло приведено въ такую ясность, можно думать что подобные вопросы едва ли вновь будутъ подниматься въ англійскихъ палатахъ. Теперь и газета *Times*, бившая въ набатъ во время Хивинскаго похода, сожалѣетъ о преніяхъ возбужденныхъ г. Кокреномъ. „Намъ нужны терпѣніе и благоразуміе, говоритъ она, чтобы противодѣйствовать зловредной дѣятельности глупыхъ лицъ какъ въ Англіи, такъ и въ Россіи, которыя всячески усиливаются поддерживать постоянное раздраженіе въ сношеніяхъ между обѣими странами. Англія есть естественный врагъ Россіи, кричатъ нѣкоторые русскіе шовинисты, а у насъ опрометчивые голоса готовы кричать въ отвѣтъ, что Россія есть естественный врагъ Англіи.“ Позволимъ себѣ замѣтить, однако, что въ Россіи помянутые шовинисты, въ родѣ г. Терентьева, на книгу коего ссылался г. Кокренъ, не могутъ имѣть никакого вліянія на правительство, между тѣмъ какъ въ Англіи гремѣли тревогу люди политическіе и вліятельные органы печати, между прочимъ и газета *Times*. Намъ пріятно что она сознается въ ошибкѣ; пожелаемъ только чтобъ она удержалась на новомъ пути здраваго взгляда высказаннаго ею въ слѣдующемъ заключеніи: „Мнѣнія могутъ быть различны во многихъ пунктахъ относительно нашей политики въ Средней Азіи, но есть одно заключеніе съ коимъ мы всѣ должны согласиться — отвергать пустую шумную тревогу о ней. Если человѣку нечего другаго сказать какъ только то что онъ безпокоится, то ему лучше молчать. По правдѣ мы уже потерпѣли отъ публичнаго обнаруженія безпокойства. Спеціальная миссія графа Шувалова въ Англію предъ походомъ на Хиву была снисхожденіемъ къ нашей слабости не дѣлавшей намъ чести.“

№ 110.

Москва, 3-го мая.

Кровавое происшествіе въ Салоникахъ занимаетъ въ настоящую минуту всю европейскую печать. Всѣ находятъ что оно не могло не имѣть вліянія на происходившія въ Берлинѣ совѣщанія. Не достаточно еще приведенныя въ ясность свѣдѣнія о самомъ фактѣ дѣйствительно довольно сбивчивы, но турецкому офиціальному донесенію о нихъ никто не даетъ вѣры, и дѣйствительно, полученныя нами достовѣрныя свѣдѣнія представляютъ дѣло совершенно въ иномъ свѣтѣ.

Взрывъ мусульманскаго фанатизма въ Салоникахъ не былъ такою неожиданною случайностью какъ это могло показаться на основаніи телеграммъ. Тревожное настроеніе мусульманскаго населенія въ этомъ городѣ было замѣчено уже задолго предъ этимъ, и находящіеся тамъ европейскіе консулы заявляли объ этомъ какъ мѣстнымъ властямъ, такъ и своимъ посольствамъ въ Константинополѣ. Къ сожалѣнію, Порта, по внушенію англійскаго посла сэръ-Генри Элліота, котораго успокоивалъ англійскій консулъ, г. Бландъ, извѣстный туркофилъ, отвѣчала иностраннымъ представителямъ